

Всеволод Липатов

Ночной директор. I том

История, рассказанная
в тиши музея

Всеволод Липатов

**Ночной директор. I том. История,
рассказанная в тиши музея**

«Издательские решения»

Липатов В.

Ночной директор. I том. История, рассказанная в тиши музея /
В. Липатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858325-4

История Ямала и страны, рассказанная ночным директором — сторожем салехардского музея. В книге опубликованы документы, факты и немного философских размышлений. Рекомендуются для тех, кто интересуется историей.

ISBN 978-5-44-858325-4

© Липатов В.
© Издательские решения

Содержание

Начало дежурства	6
Выстрел в будущее!	8
Страна за Рифейскими горами	16
Ермак Тимофеевич – кто ты?	25
Сибирские землепроходцы	32
Дела торговые Сибири	38
Город-загадка Мангазея Златокипящая. РАСвет и закат Государевой вотчины – спасительницы России	47
Сибирская таможня и стёжки-дорожки Сибири	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ночной директор. I том История, рассказанная в тиши музея

Всеволод Липатов

© Всеволод Липатов, 2017

ISBN 978-5-4485-8325-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало дежурства

Небо темнеет. В конторах выключают свет. Зажигаются уличные фонари. Окна домов оживают и становятся уютными от света люстр. За шторами начинают мелькать тени и силуэты, вспыхивают яркие вспышки друга семьи – телевизора. По всем приметам – наступают сумерки. Люди спешат домой после проведенного трудового дня. Их ждут семейные радости и печали. Но все равно они дома. Для них наступает вечер. На смену им неторопливо идут другие люди. Их немного. Они закрывают за собой входные двери опустевших присутственных мест. Наступает время сторожей.

И в музее одного северного городка было всё также. Сумерки уже накрыли своим мягким покрывалом улицы, сотрудники торопливо собирались домой, обсуждая ушедший день и строя планы на наступающий вечер, когда в свете фонарей на площади перед музеем, появился человек. Он не спеша, подошёл к крыльцу, вдохнул полной грудью морозный воздух и открыл тугую входную дверь.

«Спокойной ночи, счастливо оставаться. Не забудь закрыться», – так напутствовали его уходящие. Тяжело хлопает дверь, оставляя подступающую ночь за порогом. В наступившей внезапно тишине ещё слышатся, постепенно затихая, голоса уходящих в тепло вечера домашнего очага, милых семейных развлечений и разговоров.

Он остался один...

До утра – он здесь главный. Как он иногда, в шутку, сам себя называет – Ночной Директор музея.

Он с нетерпением ждёт начало своего дежурства, ведь в эти часы можно увидеть то, что ещё никому не удавалось увидеть и понять. С заходом солнца тут начинается своя, таинственная жизнь, неподвластная человеческому разуму. И волшебница ночь будет снова играть со временем и миром.

С приходом вечерней темноты начинают оживать неподвижные при свете дня вещи. Они просыпаются после долгого дневного сна, когда люди их называли непонятным для них словом – экспонаты. Теперь же наступает их время. И вот уже, кажется, что жизнь так и бурлит в них. Они вспоминают собственные имена, свои судьбы. Здесь и сейчас – они хозяева. И они уже привыкли к одинокому человеку, который непонятно зачем, остаётся здесь на ночь, и поэтому не обращают на него никакого внимания. Для них он тень оставшаяся из дневного мира. Тень, которая бесплотно скользит по их миру, случайно зацепившись за их реальность. Она безопасна, но всё же лучше держаться от неё подальше.

Чуткая тишина постепенно отступает в тёмные углы. Он начинает слышать как шорохи, скрипы, постукивания становятся все отчётливей, их уже не заглушает дневная суета. Кажется, просыпается сам дом. Может это обострившийся в вечерней тишине слух, обманут сквозняком или ветром за окнами. Или, быть может, это скрипят старые стены и половицы? Он не знает, да для него это сейчас и неважно.

Прежде чем начать свой ежевечерний обход он не торопясь снял пуховик и шапку, повесил на вешалку. Потом переобулся в мягкие тапочки. Негоже здесь ходить в уличной обуви. Ведь музей для него воистину давно стал вторым домом. Ну, и к тому же любой музей не любит шума, ведь хранимая история предпочитает тишину.

Человек ещё раз протёр очки, после мороза они никак не могли согреться, поэтому постоянно запотевали. И начал своё обычное путешествие по выставочным залам. И странствие по времени. Только эта машина времени работала лишь в одну сторону – в прошлое. Вообще-то в будущее он и не стремился заглянуть. Человек был уверен, что ничего нового, в глобальном смысле, конечно же, день грядущий не принесёт, по большому счёту всё одина-

ково. И не надо быть провидцем, чтобы понять, что и в истории можно познать, как будет выглядеть завтрашний день. Увы, всё повторяется...

I глава

Выстрел в будущее!

Много странного происходит ночью в музее. Приходят и странные мысли, которые днём кажутся какими-то неуместными, только мешающими дневной суете. И только ночью, и только здесь, среди истории, чуть пахнувшей пылью, приходят другие думы. Вот тогда-то и начинаешь воспринимать окружающий, привычный мир, по-другому. Он поворачивается незнакомой гранью, неожиданной и оттого тревожащей.

Ночной Директор подошёл к окну и упёрся лбом в холодное стекло. Невидимое, но такое осязаемое. За этой призрачной границей ночь уже вступила в свои права. Граждане, отдохнув от дневной суеты, и насладившись домашними проблемами и радостями, отходили ко сну. Свет в их окнах выключался. Дом, стоящий напротив музея, постепенно исчезал в наступающей морозной темноте. Вот не видно стало деталей стен. Вот уже один прямоугольный контур чернеет в ночи, и его границы незаметно перетекают в воздух. Вот, наконец, и погасло последнее окно, и он ушёл в ночь со всеми домочадцами.

Как это напоминает историю. Чем дальше от наблюдателя, тем смутней и нереальной картина. Кажется, что это происходило совсем на другой планете, и к нам, живущим сегодня, совсем не имеет никакого отношения.

А если ещё исчезают и вещественные доказательства из прошлого, то взгляд, брошенный в пропасть исчезнувшего времени, наталкивается на плотный клубящийся туман легенд и мифов, сотворённых людьми, как современниками, так и потомками. И чем дальше, тем больше и больше.

Пытливый мозг исследователя, или просто любопытствующего, упрямо ищет знакомые детали, чтобы выстроить реальную картину прошлого, но света истины нет. И в этом сумраке домыслов и предположений появляется широчайший простор для фальсификаций.

Одно из главных достижений человечества за всю его историю, стала способность запечатлеть свой жизненный опыт на материальных носителях. Проще говоря, переносить факты из окружающей жизни, свои наблюдения и размышления в слова. А потом эти слова заносить на пергамент, камень, обожжённую глину, бересту, бумагу, таким образом навечно фиксируя настоящее. Эти послания потомкам со временем стали концентрироваться в различных хранилищах, которые существовали при дворцах властителей, церквях и монастырях. Документов становилось всё больше, переписка увеличивалась, поэтому пришлось хранением документов заниматься специальным людям, выделять для них помещения.

Лишь немногие избранные могли оценить всю важность такой коллекции. Для простых обывателей, это было напрасной тратой денег и времени. В России на критическое положение с архивохранилищами обратил внимание ещё Пётр I. До его реформ процесс хранения документов был в весьма плачевном состоянии. Грамоты хранились как попало, а об их учёте даже речи не шло. Пётр Алексеевич также обратил своё высочайшее внимание на тот факт, что нерадивые дьяки из различных приказов не сдавали документы в хранилища. А зачастую бывало и так, что документы исчезали прямо из них. Дело в том, что в те времена в основном писали на пергаменте, то есть на хорошо выделанной телячьей коже. Чернила со временем могли выцветать, так что их документальная ценность пропадала, а вот кожа по-прежнему высоко ценилась, пергамент стоил очень дорого, поэтому древние свитки пользовались популярностью, ведь их можно было употребить и в других целях, например, сшить сапоги.

Видно по всему, что этот процесс временами принимал весьма широкий размах, иначе, зачем было ещё в 1550 году записывать в Судебник, свод государственных законов того времени, что «категорически запрещается выносить документы из хранилищ». Видимо с течением веков ничего не изменилось, поэтому Пётр I велел учредить первый в стране ведомственный

архив при Правительствующем Сенате. Позже он вошёл в историю нашей страны как «Московский сенатский архив».

Это особое событие в истории отечественного архивного дела произошло 16 июля 1712 года. В этот день вышел указ, где говорилось о создании из дел и «приговоров» Правительствующего Сената первого ведомственного архива: «Собрать помесечно и учинить тем приговорам реестры с объявлением каждого дела» и отдать их на постоянное хранение в архив.

Говоря современным языком, архивисты должны были сделать описание всех содержащихся у них документов. Кстати, в мировой практике это было сделано впервые.

Первый император стремился унифицировать всю жизнедеятельность в стране, поэтому просто не мог обойти своим вниманием такое новое дело, как создание архивохранилищ. Надо отдать ему должное, он не только перенимал европейский опыт, но и шёл дальше, развивая их наработки.

Подробные положения о ведомственных архивах были расписаны в сорок четвёртой главе «Генерального регламента». Опять же, впервые в мире предусматривалась обязательная сдача учреждениями своих документов в архивы по истечении определённого срока. Но документов становилось всё больше не только в московских учреждениях, но и в других городах и весях огромной империи. Поэтому в 1728 году Правительствующий Сенат разослал указы губернаторам о целесообразности создания объединённых губернских архивов и архивов городского самоуправления. А в 1736 году Сенат издал ещё один очень важный указ. Дело в том, что каменных зданий в России было очень мало, пожары были обычным явлением. Поэтому учтя печальный опыт многочисленных пожаров, которые уничтожали целые города, московские чиновники предписывали строить для архивохранилищ специальные здания из камня, причём от деревянных строений «не в близости» и обязательно с решётками на окнах и с железными запорами на дверях и ставнях. Архивы было положено опечатывать, а вынос из них документов, как и по судебнику 1550 года, категорически запрещался.

Естественно на эти указы никто не обращал внимания, у градоначальников были более важные дела. Пожары по прежнему приносили непоправимый ущерб историческому наследию страны, а документы выносили и продавали.

Но русские архивисты не сидели, сложа руки. Несмотря на то, что чиновники по большому счёту мало обращали внимание на проблемы долгосрочного сохранения документов, развитие архивного дела всё же продолжалось. Опять же, впервые в мировой практике архивоведения было предложено располагать и содержать принятые дела в том порядке, в котором они были зарегистрированы в текущем делопроизводстве. Это положение было закреплено в 1845 году в Законе «Учреждение губернских правлений». Сейчас этот порядок хранения называется – принципом систематизации по происхождению.

Надо особо отметить, что в России многое делалось «впервые в мире». К большому сожалению, от своевременных и нужных указов августейших особ до их исполнения чиновниками, проходило много времени. А зачастую случалось и так, что их распоряжения навсегда оставались лишь на бумаге, ведь нерадивые подданные не торопились претворять в жизнь монаршие указания, находя многочисленные оправдания и надеясь, что руководство забудет о своих указах, или не сможет проверить их исполнение.

Несмотря на все утраты, документов в хранилищах скапливалось всё больше. Не будем забывать, что делопроизводство уже в те времена развивалось быстрыми темпами, документооборот резко возрос, так что помещений стало катастрофически не хватать. Нужно было как-то выходить из положения. К тому же, не всеми документами пользовались, они лежали мёртвым грузом, храня никому не нужную информацию. Необходимо было как-то решать этот живо-трепещущий вопрос. Первое упоминание о сознательном и официальном отборе документов, предназначенных к уничтожению относится к 1829 году, когда на описи дел Кабинета Его Императорского Величества Николай I оставил резолюцию: «Разобрать, что важно – отобрать,

прочее можно и уничтожить». Через год, комиссия по разборке петербургских архивов получила от императора указания о том, что «несекретные дела, ненужные для будущего времени, можно по строгому разбору уничтожить». Эти указы положили начало, так называемой «экспертизе ценности дел и документов».

Человек стоя у окна и глядя на чёрный прямоугольник дома напротив, думал о том, что картину прошлого невозможно объять одним взглядом. Сколько историков, столько и мнений. Кажется одни и те же факты, а вот выводы, интерпретации делаются порой прямо противоположные. Каждый видит то, что хочет видеть. Или ему приказали это видеть. Вот и этот дом, даже если все окна будут ярко освещены, то всё равно останется загадкой. Ведь не во всякую квартиру заглянешь. Не поговоришь с каждым жильцом по душам, да так, чтобы он рассказал правду и ничего кроме правды. Вот и получается в итоге довольно пёстрое полотно. К тому же на расстоянии, особенно если это расстояние – время, то поневоле чёткость изображения теряется, события и их результаты иногда меняются местами, вступают в абсолютно непредсказуемые взаимоотношения между собой. Факты так могут переплестись, что с ходу и не разберёшь где причина, а где следствие, кто прав, а кто виноват. Что уж говорить о современниках, для которых новости дня, обычно, это просто яркое пятно произошедшего события, о котором они узнали. А вот причинно-следственных связей между такими окошками увидеть в дне сегодняшнем, крайне сложно.

– А что, документы не могут врать? – резонно заметил Ночной Директор, отворачиваясь от окна и разглядывая музейный коридор, ведущий в залы первого этажа. – Ведь сколько раз случалось так, что свидетельства прошлого, дошедшие до нас, при внимательном и непредвзятом изучении оказывались филькиной грамотой. Да этих примеров в мировой истории, сколько угодно.

Изучать историю Сибири по древним документам начал ещё Герхард Миллер, немецкий историк, переехавший в Россию в 1725 году. Сейчас на него часто ссылаются современные историки. Но собранные им документы, так называемые «портфели Миллера», хранящиеся в Государственном архиве древних актов, до сих пор остаются толком не изученными. Может это какое-то инстинктивное недоверие к его работам? Тем более в последние годы выяснилось, что не всё так просто было с этим исследователем.

Одним из главных его путешествий стала так называемая Вторая Камчатская экспедиция, организованная Российской академией наук. С 1733 по 1743 года он ездил по Сибири, изучал тамошнюю жизнь. Но, по его собственному признанию, эта работа постоянно натывалась на нежелание местных властей сотрудничать с ним. Тем более он смог доехать далеко не во все сибирские города. Так что картина жизни сибиряков была неполной и иногда ошибочной.

В своих письмах в Москву, а позже и в воспоминаниях Миллер жаловался, что не от всех администраций сибирских поселений он получил полный отчёт. От местных воевод он требовал детальное описание состава податных групп населения, размер и виды податей, и многое другое. Ответы он получал спустя долгое время, но зачастую это были формальные отписки, и при внимательном анализе ответов было заметно, что наиболее полно освещаются те вопросы, по которым уже существовали сводные обобщающие материалы. Впрочем, иногда прилагались копии соответствующих документов. Поэтому сейчас стало ясно, что ни по одному из сибирских городов он так и не смог получить исчерпывающей и достоверной информации.

Но у него была ещё одна цель, которую он старался не разглашать. Немецкий исследователь очень интересовался местными летописями и древними документами. Одной его любознательностью это объяснить сложно. С этих документов Миллер снимал копии, которые позже опубликовал. Первым из исследователей-историков он изучил и подверг критике эти письмен-

ные исторические источники. Это была большая и тяжёлая работа. Но здесь настораживает один малоизвестный факт. Дело в том, что после вояжа этого историка многие оригиналы документов, с которыми он работал, бесследно исчезли. Одними пожарами и разгильдяйством местных архивистов это объяснить невозможно. Поэтому к его копиям у современных исследователей настороженное отношение. Тем более копирование в те времена было в зачаточном состоянии, и напрямую зависело от добросовестности переписчиков. А если учесть, что именно Миллер доказывал, что первыми русскими князьями, которые и объединили Русь, были норманны или варяги, то можно осторожно предположить, что он просто-напросто подчищал сибирские архивы. Ведь переписка между Москвой и Сибирью велась издревле, и какие документы могли сохраниться в тех далёких землях, сейчас уже никому неизвестно. А может, эти документы могли бы пролить свет на действительные причины смуты, которая потрясла страну в конце XVI начале XVII веков, когда пресёкся род Рюриковичей. И тогда бы выяснилось, как всё-таки Романовым удалось усесться на российский трон, или как на самом деле жила и развивалась древняя Русь. Есть некие подозрения, что не всё обстояло именно так, как описывалось якобы современниками и последующими исследователями прошлого страны. Тем более немец собирал документы не только в Сибири, до этого он исследовал архивы, находящиеся в подмосковных монастырях. Наверное, недаром Михайло Ломоносов его работы и выводы жёстко критиковал, особенно касающиеся истории древней Руси. Однажды, дело чуть не дошло до мордобоя, когда Миллер озвучил свои выводы о том, что три брата Рюрики были норманнами, то есть викингами, и пришли эти варяги из откуда-то из Скандинавии. Ломоносов придерживался прямо диаметрального мнения.

Зябко поёжившись, Ночной Директор отодвинулся от оконного стекла. От него ощущимо веяло холодом, к тому же от его дыхания оно запотело. Человек неспешно продолжал думать о загадках истории.

У каждого есть тайны, которые он хотел бы сохранить от любопытных глаз. И любое государство в этом не исключение. Сколько тёмных и тайных дел совершалось и совершается в кабинетах высоких начальников, лучше даже не задумываться. А сколько тайн и загадок ещё пылится в картонных папках на архивных полках, то никому неизвестно. Но, как говорит древняя народная мудрость, «шила в мешке не утаишь». Любое действие на земле оставляет свой отпечаток. Особенно хорошо след становится заметен, если он материален, то есть его можно потрогать, а ещё лучше посмотреть или прочитать.

За крепкими стенами архивов, в прохладной тиши хранилищ, лежат материалы, напоминающие мину замедленного действия. И когда она взорвётся, никто не знает. И какие непредсказуемые последствия в настоящем и будущем могут вызвать подобные документы, стоит только неосторожному любопытному открыть их пожелтевшие страницы, остаётся только догадываться или терпеливо дожидаться этого момента. Естественно, что такое дальнейшее развитие событий многим участникам может не понравиться. Всё-таки такие выстрелы из прошлого, могут больно ударить по ныне живущим.

В России первый исторический архив был создан при Коллегии иностранных дел в 1724 году. Первоначально в штате было всего шесть сотрудников, своя печать, руководил им – ассессор Курбатов. Это учреждение стало называться – Московским архивом Коллегии иностранных дел.

Архивисты любят сокращать названия своих учреждений, поэтому название этого учреждения сейчас более известно как – МАКИД.

Именно это ведомство было до краёв наполнено секретными приказами и переписками, так что легко себе представить какие документы могли храниться в столь серьёзной коллегии. А с развитием внешних связей Российского государства документопоток начал стремительно

возрастать. Так что в скором времени возникла проблема, что просто необходимо привести в божеский вид скопление государственных секретов. Создание этого хранилища положило начало формированию целой сети исторических архивов, принимающих на государственное хранение документы от учреждений и простых граждан.

Многие документы не имели особого значения, как с государственной точки зрения, так и с исторической. Но всё же их собирали, хранили как умели и могли, и, в конце концов, для архивистов остро встал очередной вопрос, где и как сохранять всё это историческое наследие? Все помещения уже были переполнены. Но в настоящем очень трудно увидеть, что станет ценным и важным через годы или века. Ведь до сих пор нет единого мнения по поводу критерия отбора. Яркий тому пример. В одном из архивов Свердловска, ныне снова город Екатеринбург, в семидесятых годах XX столетия абсолютно случайно была обнаружена бумага, на которой в тридцатых годах поставил свою подпись некий землемер-практикант Леонид Брежнев. Кто бы мог в тот момент подумать, что какой-то землемер со временем станет генеральным секретарём Советского Союза, дорогим Леонидом Ильичём. Как эта бумага пережила все архивные чистки до сих пор остаётся загадкой, но в то время, она вызвала определённый ажиотаж.

Иные государственные руководители понимали, как важно замести после себя следы, особенно если они кровавые. Так Никита Хрущёв начал обличать Сталина лишь спустя несколько лет, как занял должность первого лица в государстве. А почему не сразу? Всё было до пошлого просто, никаких загадок. За эти годы, по приказу Хрущёва уничтожались все расстрельные дела, где могла стоять его подпись. Хотя, конечно, это лишь одна из причин его временного молчания. Во всяком случае, компрометирующих его документов пока не найдено, хотя он, безусловно, участвовал в репрессиях. В противном случае он сам бы оказался у расстрельной стены или в каком-нибудь исправительном лагере. Сталин умел всех повязать круговой порукой.

Кстати, современные историки сильно подозревают, что и Романовы также неплохо подчистили архивы, после того как вззошли на Российский престол. Во всяком случае, Миллер прошёлся не только по Сибири, но и по всем архивам Москвы и Подмосковья.

Ох, и недаром печатное слово вызывало и до сих пор вызывает зубовный скрежет у иных властителей. Проводя свою диктаторскую волю в жизнь в первую очередь необходимо уничтожить свободомыслие. А как это сделать? К их большому сожалению у граждан есть своя голова на плечах. Как задурить им мозги до такой степени, что бы любой бред, исходящий из уст очередного строителя светлого будущего, ими воспринимался как истина в последней инстанции? Да проще простого. Лишить людей памяти, не давать пищи для размышлений. И вот уже полыхают кострища по всей стране, летят в жаркий огонь книги, документы. Фанатично горят глаза последователей очередного диктатора. На костёр ведут инакомыслящих, не вписывающихся в существующее заданное мироздание, ведь они упрямо пытаются доказать, что Земля не центр Вселенной, и вообще она круглая.

Огонь жарко и жадно пожирает всё, что ему кидают. И вот результат, мечта любого диктатора, или недалёкого руководителя, вокруг него ни о чём не думающая толпа, подчиняющаяся любым его приказам и прихотям, с восторгом ждущая любое его слово и даже жест.

В XIX веке в России было многое сделано в архивном деле. Но это происходило лишь за счёт немногих энтузиастов, власть же продолжала смотреть на хранение бумаг как на мало значимое предприятие. Поэтому состояние большинства архивов было, мягко говоря, в плачевном состоянии. Что уж говорить о провинциях Российской империи, если в самой Москве, прямо в Кремлёвских палатах документы просто сваливались в кучу.

Есть воспоминания как революционные солдаты и матросы в одной из башен Кремля нашли архивохранилище, если можно его так назвать. Открыв двери, они почувствовали жут-

кий смрад, и это несмотря на трескучий мороз, и на то, что в помещении гуляли сильные сквозняки. В комнатах, в громадную трёхметровую кучу были свалены рукописи, свитки. Нижние слои уже давно сгнили, а сверху этой мерзкой каши были накинаны новые документы.

Любая власть всегда понимала важность истории, запечатлённой в документах. Ведь там всегда можно найти выгодные и удобные факты, которые можно использовать с пользой для себя. Не были исключением и большевики. Как только архивы старого режима попали в руки новой диктатуры, так сразу же было решено опубликовать документы, где фигурировали тайные договоры между Россией и Германией. Это вызвало большой скандал на международной арене. Большевики в то время выпустили в свет много документов порочащих честное и доброе имя руководителей различных государств, обличая их в двурушничестве и других богомерзких грехах. Но это не было их изобретением. Этот же приём во время первой мировой войны, опять же против своих врагов, использовала и царская власть.

Кстати, руководители молодой советской власти прекрасно понимали всю ценность документов, попавших им в руки. Поэтому уже 1 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет о «Реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР».

Кстати, туда вошло много нереализованных проектов и предложений царских архивистов. Именно тогда был создан Единый государственный архивный фонд, в который передавались дела, утратившие практическое значение. Отдельные части государственного архивного фонда соединялись по принципу централизации архивного дела. Для управления вновь созданным архивным фондом был создан специальный правительственный орган – Главное управление архивным делом. Одновременно правительственным учреждениям запрещалось уничтожать без специального разрешения, какие бы то ни было дела или отдельные бумаги. Нарушителям грозили судебные разбирательства и суровые наказания. Несмотря на разруху, гражданскую войну и прочие проблемы переходного периода, все ранее существовавшие архивы получили охранные грамоты на помещения. А в 1919 году несколькими специальными декретами правительства были созданы областные и губернские управления архивными делами. В том же году 19 сентября был учреждён архив в Тобольске. Позже, уже в двадцатых годах, централизация дошла до своего пика, в стране были национализированы все частные, научные и культурные архивы. Таким образом, большевикам удалось сделать то, о чём царское правительство даже и не мечтало, объединив все хранилища, причём под крылом НКВД.

Со временем архивное строительство дошло и до Ямала. 20 марта 1934 года на заседании организационного комитета Советов Обско-Иртышской области (Ямало-Ненецкий округ входил в состав этой области с января по декабрь 1934 года) было решено организовать при Ямало-Ненецком окружном исполнительном комитете архивное бюро. И 23 сентября после выхода постановления оргкомитета Советов Обско-Иртышской области на Ямале появилось своё архивное бюро. Оно было подчинено Ямальскому (Ненецкому) окружному исполнительному комитету. Тогда же был утверждён штат из пяти человек. Им было поручено составить план работы, приступить к ведению архивного дела в округе и «показать на практике колхозам и совхозам и всем учреждениям и предприятиям как нужно хранить архивные материалы...». С образованием в декабре того же года Омской области (округ входил в её состав до 1944 года) бюро было переименовано в окружной архив.

Первым заведующим хранилища документов был назначен Михаил Осипович Калганов. Он сразу же активно приступил к «концентрации», то есть сбору документов, и уже в 1935 году у него хранилось 1634 дела. Первоначально архиву выделили небольшой рабочий кабинет в здании Окружного исполнительного комитета, который располагался по улице Туземная дом номер 6, сейчас это улица Республики, а само архивохранилище располагалось в колокольне церкви.

По воспоминаниям участников, архивная работа тех лет была тяжёлой, ведь вся работа держалась на плечах одного человека. К тому же, дело было новым. Сохранилась докладная записка, написанная в 1936 году очередным заведующим Андрияновым:

«Как же у нас в Ямало-Ненецком окружном исполкоме обстоит дело? Архив загнали на чердак церкви и успокоились, а какое здание, отвечает ли оно требованиям хранения? Архивные материалы перебрасываются с одного места на другое, в силу чего архив скомкан в кучу и не разобран, и не описан. Работа стоит, так как производить таковую негде, ибо часть здания занимает жилплощадь сам заведующий, помещение очень малое. Это то же есть большой недостаток работы Окружному архиву».

Лишь в 1954 году архивное бюро получило своё здание, оставшееся от бывшего архивохранилища 501-й стройки.

Сейчас в Окружном архиве практически нет документов ранее конца XIX века. Они сгинули во время революционной смуты. Так же нет секретных фондов, такие свидетельства прошлого вывозили в Воркуту, Тюмень. Недавно рассекреченные документы времён 501-й стройки в основном носят технический характер. Так что, в основном, в этих стенах хранятся документы о становлении Советской власти, деятельности волостного революционного комитета. Есть документы, в которых отражена история образования кочевых туземных родовых Советов Ямало-Ненецкого национального округа, есть сведения о переводе кочевого населения на осёдлый образ жизни, о спецпереселенцах 30-40-х годов.

В XX веке в стране были начаты научные исследования древних рукописей и летописей, хранящихся в различных архивах страны. И учёных ждало пренеприятное открытие, о котором до сих пор широкой публике стараются не сообщать. Некоторые письменные источники, как знаменитые, так и не очень, которым привыкли безоговорочно доверять, оказались всего лишь подделкой.

Печальный список сфальсифицированных древних документов продолжает пополняться. В последние годы неожиданно возник научный спор. Появилось нежданное, смелое предположение, что знаменитое «Слово о полку Игореве» было написано спустя много веков от описанных в нём событий, просто человек воспользовался возникшей модой на подобные рукописи и сам сочинил это «Слово...». Так ли это на самом деле, или рукопись действительно была составлена в древние времена, выясняют специалисты. В «Повести временных лет», известной ещё как «Несторовская летопись», кстати, названной так по имени очередного переписчика, а не монаха-летописца, как это до сих пор преподают в школе, есть несколько вырванных страниц, а на их место, спустя несколько веков, были вклеены другие. И вот что странно, именно на этих листах неведомый летописец повествует, как пришли на Русь первые Рюриковичи. Кому это было выгодно, остаётся лишь догадываться.

Естественно, некоторые, с позволения сказать «авторы» древних списков, преследовали свои меркантильные интересы, ведь после войны с Наполеоном в русском обществе возник неподдельный интерес к своим корням, прошлому страны. Вследствие этого тут же возникла мода на собирательство подобных древних литературных памятников, но их было мало, вот на помощь и поспешили умельцы. В XVIII – XIX столетиях было изготовлено сотни подделок, и даже откровенных фальшивок.

Здесь надо особо отметить, что не все фальсификаторы искали выгоды, некоторые просто старались привлечь внимание к народному творчеству, национальному наследию. В результате, полностью офранцузившееся русское высшее общество неожиданно для себя узнало, что история Руси ни в чём не уступает той же Франции.

Архивист В. П. Козлов, в XX столетии внимательнейшим образом изучив около ста семидесяти подобных документов, в своей книге «Тайны фальсификации» написал об одном таком патриоте, И. П. Сахарове, бывшего не только врачом по профессии, но и этнографом и историком Тульского края, оставившего глубокий след в русской истории первой половины XIX века.

«Сахаровские подделки оказались в конечном итоге продуктом официальной идеологии эпохи их создания. Они отвечали официальному толкованию идеи народности прежде всего как одного из общественных устоев николаевской России. Идеализация старины, поиски в ней не существовавших образцов истинно народного характера, образа мыслей, обычаев были благодатной почвой для подделок Сахарова. Оружие знания вольно или невольно он направил против самого знания».¹

Ночной гость припомнил копии древних летописей выставленных на очередной витрине и подумал, что не всегда народная мудрость верна. Хотя бы взять пословицу: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Зачем вырубать, когда можно просто-напросто вырвать ненужную страницу и вклеить новую, вот тогда чистое окно в историю будет туманным и мутным, а может и вообще закрыться навеки, но об этом даже никто и не догадается. И пускай, потом историки мучаются, анализируют, домысливают, придумывают, собирая мозаику из разноречивых фактов. Может они когда-нибудь, и приблизятся к истине. Но всё равно прошлое будет полно тайн и загадок, и на эти вопросы найти достоверные ответы будет ох как непросто.

Потом Ночной Директор вспомнил, как в первый раз пришёл в окружной архив. Дело было зимой, поэтому неказистое здание последнего приюта документов еле виднелось из-за сугробов и небольших деревьев, окружающих домик. Морозный воздух блеклым серым туманом скрывал горизонт, было трудно дышать. Но внутри помещения было тепло, сухо и, главное, уютно. Особенно это чувствовалось после насквозь промёрзшей улицы. И ощущалось ещё нечто, почти неуловимое для человеческих чувств, что трудно передать словами. Нет. Не вездесущая пыль и запах бумаг. Здесь было что-то иное. Только много позже он всё-таки понял, что это было. В этих стенах было сконцентрировано само время, здесь лежала история, сжатая между картонных обложек папок, и перевязанное обыкновенным шпагатом. Он ещё тогда с усмешкой подумал:

– Наверное, чтобы история не сбегала, не вырвалась на волю, а то таких дел натворить сможет, что придётся долго расхлёбывать.

К тому же и само здание архива овеяно легендой. Почему-то долгое время считалось, что окружное документохранилище въехало в прачечную, оставшуюся со времён 501-й стройки. Но потом сами же архивисты выяснили, что здесь изначально располагался архив этой печально знаменитой гулаговской стройки.

Ночной человек потрянул головой, отгоняя непрошенные воспоминания и мысли, ещё раз насухо протёр очки и пошёл в обход музейных владений, где хранились следы эпох и событий.

Здесь, в музее время тоже было сконцентрировано, но, в отличие от архива оно было более осязаемо, что ли. Здесь его можно было не только прочитать, пошелестеть страницами былого, но и погладить, потрогать, взять в руки и увидеть воочию немногочисленных свидетелей прошлого.

II глава

¹ Козлов В. П. Да постыдятся и посрамятся вси, глаголющие на нь» // Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 272 с. – С. 207.

Страна за Рифейскими горами

Ночной Директор вышел в коридор, и задумался, с какого же зала начать осмотр своих владений. После краткого размышления он решительно направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Именно там, в выставочных залах, можно было воочию увидеть седую старину Сибири, кинуть взгляд на истоки современных событий.

Его путь лежал в зал, в котором была представлена средневековая история Обдорска. А она богатая и бурная, к тому же неразрывно связана с судьбами всей страны, как бы далеко сибирские земли не лежали от Москвы.

Тихо ступая, человек вошёл в зал. Сколько было таких вечеров в этом здании, а всё равно каждый раз всё бывает по-другому. И всё так похоже...

А за заиндевшими окнами неспешно струилась ночь, переворачивая ещё одну страницу в истории человечества. Пройдёт ещё несколько дней и ночей и, сегодняшние дневные и ночные события порастут быльём. И чем дальше, тем больше небывлиц будут складывать об этом. Такова уж людская натура, и с этим ничего не поделаешь.

Ночной Директор, вздохнув, прошёлся по выставочному залу. Остановился около витрин, в которых лежали копии древних летописей.

– Ну, как им можно безоговорочно доверять. Да просто ради любопытства можно почитать свидетельства тех времён, что дошли до нашего времени, чтобы понять, люди всегда были горазды сочинять и преувеличивать.

Север всегда притягивал к себе взгляды. И не только неутомимых искателей новых земель, необычных приключений и громкой славы, но и желающих разбогатеть. А уж слухи про эти неведомые земли ходили самые разнообразные, порой доходившие до полного бреда. Но им верили, как в средневековье, так и до сих пор, нет-нет, да и просочиться где-нибудь в печати или по телевидению такая несурезица, что просто диву даёшься, и как это люди придумали такое! И ведь верят же обычные обыватели, вот что самое печальное. Что уж говорить про времена, отдалённые от нас веками и не отягощённые средствами массовой информации и другими признаками техногенной цивилизации. В те далёкие эпохи очевидцев проверить было невозможно, вот и любили путешественники прихвастнуть своими подвигами или удивительными описаниями увиденной жизни «незнакомых» народов. И в этот момент они могли таких страстей нагнать на наивного средневекового обывателя Европы, что те могли лишиться спокойного сна и хорошего аппетита. Действительно, считаешь иные летописи, описывающих северные народы, и может привидеться такое, что современные фильмы ужасов покажутся наивной сказкой для дошколят.

Вот для примера небольшая выдержка из древней летописи:

«На восточней стране, за Югорьской землею над морем живут люди Самоедь, зовомы Могонзеи, а ядь их мясо оленье да рыба, да межи собою друг друга ядят, а гость к ним откуда придет, и они дети свои закалають на гостей, да тем кормят, а который гость у них умреть, и они того съедають, а в землю не хороняють, а своих тако же. Сия же люди не великы възрастом, плосковицы, носы малы, но резвы вельми и стрелцы скоры и горазды, а ездять на оленях и на собаках. А платие носять соболие и оленье, а товар их соболи».²

А дальше ещё больше, ещё круче, фантазия рассказчика, или летописца, разворачивалась во всю ширь:

² Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1032 – 1910 гг.) // Избранные труды [Текст] / Составитель Л. Ф. Липатова; авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова; ГУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс и.. И. С. Шемановского». – М.: «Советский спорт, 2005. – 304. [32] с.: ил. – С. 109.

«В той же стране иная Самоедь такова же, Линная словеть. Лете месяц живут в мори, а на сусе не живут того ради, занеже тело на них трескается, и они тот месяц в воде лежать, а на берег не смеют вылести».³

Жутковатое зрелище, надо признаться. Но ведь именно таким несуразностям обычно больше всего и верят обыватели. А если ещё почитать описания местных народов, то картина вырисовывается просто фантастическая:

«В той же стране есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа в верхъ яко же и прочии человеци»...

«В той же стране иная самоедь: в верху рьты на темени, а не говорить, а образ в пошлину человекъ, а коли ядять, и они крошают мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку, и как почнуть ясти, и они плечима движуть в верх и вниз».

«В той же стране есть иная самоедь: яко же и прочии человеци, но зими умирають на два месяца. Умирають же тако: как где котораго застанеть в те месяци, то тя (там) и сядеть, а у него из носа вода изойдетъ, как от потока, да примерзнетъ к земли, и кто человек иные земли не видением (неведением) поток той отразить (отломить) у него и захнетъ с места, и он умреть... А иные оживають, как солнце на лето вернется».⁴

И ведь же искренне верили таким рассказням. А куда деваться, никто там не был, вот и приходилось полностью доверять рассказчикам. Ну, а летописцы вслед за ними записывали, и вполне возможно, что-то приносили своё. Человеческая фантазия ведь не знает границ. Но вот что интересно, если непредвзято посмотреть на эти описания далёких земель и населяющих их диких народов, как тогда считалось, то вырисовывается интересная картина. Там почти нет вранья.

События и описания гипертрофированны, во многом преувеличены, но это скорее для красного словца, чтобы поразить воображение слушателей. Всё-таки сказывалось незнание местных обычаев и нравов, невнимательность и забывчивость путешественников. Да, это всё есть. Но многое и сейчас интересно для современных этнографов. Хотя бы взять такой момент, аборигены-кочевники до сих пор хоронят своих умерших прямо на земле, в специальных ящиках, а не закапывают в землю.

Вот ещё один фрагмент, где при детальном изучении видно, что всё же истина в этих летописях есть.

«В той же стране, и верху Оби реки великия есть земля, Баид именуемая, леса на ней нет, и люди, как и прочии человеци, живут в земли, а едятъ мясо соболие... А соболи же у них черны вельми и велики, шерсть живого соболи по земли ся волочить».⁵

Говоря иными словами, люди жили в землянках, что даже для Европы того времени было вещью привычной. Ну а то, что ели мясо соболей, так тут по принципу, что поймал, то и съел. А вот случаев людоедства, кстати, за все эти века не зафиксировано. Единичные случаи во время сильного голода, вот и всё, чем располагают современные исследователи. Так что лукавят путешественники. Вот только зачем?

Ночной посетитель прошёлся вдоль витрин, прислушался к ночной тишине, разлившейся в музее. Но всё было спокойно, как всегда в эту пору, когда любопытные экскурсанты не шуршат обувью и одеждой, не шепчутся, и не хихикают невест над чем, а над всем этим разносится голос экскурсовода.

Человек вспоминал летописи, которые ему довелось прочитать. Ему не давала покоя одна мысль. Зачем надо было придумывать всякие небылицы? Ведь и того, что удавалось уви-

³ Шемановский И. С. Хронологический обзор... – С. 107.

⁴ Шемановский И. С. Хронологический обзор... – С. 107.

⁵ Шемановский И. С. Хронологический обзор... – С. 107.

деть, хватило бы на любой лихой приключенческий роман. Но ведь им было мало, они добавляли своих страстей. Неужели только для красного словца и чтобы поразить воображение слушателей?

Описания жизни и быта северных народов с течением веков практически не изменились. Сохранились воспоминания знаменитого венецианского путешественника Марко Поло, которые он записывал во время своих странствований, в конце XIII века:

«Где всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звёзд. У жителей нет царя; живут они как звери, никому не подвластны. Их ум не развит и они похожи на идиотов. У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие, лисицы чёрные и много других мехов. Все они охотники и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы, оттуда, где свет, покупают здешние меха; и носят они меха туда, где свет, и там продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль».⁶

Оставим на его совести утверждение насчет «ума» и других умственных способностей аборигенов и их государственного строя. Не будем вспоминать, что в это самое время в самой Европе властвовала святая инквизиция, на кострах тысячами сжигались еретики, а страны раздирались войнами. Давайте, просто вспомним его завистливое замечание о добыче пушнины, или как бы сейчас сказали, «мягкого золота».

Кстати, именно добыча и продажа пушнины сыграли огромную роль в истории России, и это отмечают многие исследователи.

Присоединение Сибири весьма обогатило российскую казну. К тому же традиционные промыслы добычи пушного зверя в печорских и пермских землях к тому времени сильно оскудели, зверь был выбит. А в то же время за границей заметно вырос спрос на русскую дорогую «мягкую рухлядь», как тогда называли пушнину. Русский соболь издавна высоко ценился во многих европейских и азиатских странах. В те времена меха были своеобразной русской валютой, ими расплачивались, дарили иноземным послам и государям. Поэтому вполне понятно, почему в кремлёвских платах проявляли такой пристальный интерес к торговым делам, которые разворачивались на этих загадочных и далёких территориях.

Не только русские искали дороги в Сибирь. Иностранцев тоже манили северные богатства. И лишь только великие трудности пути не давали разгореться пушной лихорадке в той мере, в какой это случилось на Аляске, когда там нашли золото.

Рассматривая документы, ночной смотритель вспомнил, как в музейных фондах ему довелось подержать в руках старую, ещё дореволюционную карту Сибири. Припомнились современные каталоги древних карт. Наивное представление людей, живших несколько веков назад, сейчас просто умиляли. Тогда на картах любили рисовать неведомых зверей: драконов, змей, и прочую мифологическую нечисть, якобы населяющих неведомые земли. Изображались золотые бабы и многое другое, на что только способно человеческое воображение. Смело давались имена народам, вот так и появлялись загадочные Гоги и Магоги, населяющие все нецивилизованные земли. Так что первые картографы были скорее художниками, чем учёными. Ведь первые карты представляли собой скорее художественную картину, чем документ.

Действительно, вот так помотришь и начнёшь верить всяким ужасам, тем более карта всё-таки документ, а таким вещам привыкли доверять.

Человек удивлённо покачал головой:

– Как им только удавалось вообще куда-то доходить, а тем более возвращаться домой, если идти по таким картам. Но ведь же шли, и открывали новые земли, уточняли эти карты,

⁶ Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В. Кардаш О. В. и др. Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. М.: Ин-т Наследия, 2000. – С. 33.

рисуя свои. Перед ними надо снять шляпу. Тем более рисковали европейцы, ведь они совсем не знали местных северных условий.

Древние рисователи карт достаточно вольно интерпретировали земную поверхность. Реки, горы, леса и города рисовались со слов путешественников, никто не измерял точного расстояния. Как точно подметил классик в знаменитом диалоге: «А сколько вёрст будет? – Да, десять с гаком. – А в гаке сколько будет? – Да, ещё вёрст десять».

Но, несмотря на все недостатки древних карт, всё же ими успешно пользовались. Например, точно известно, что атаман Ермак обладал некоей картой, на которой были зафиксированы земли Зауралья. До наших дней она не дошла, и откуда она взялась у смелого экспедиционера, сейчас точно не известно. Но, отправляясь в легендарный поход, опытный атаман пользовался знаниями местных людей, нанесёнными на этот пергамент.

На Западе, первые письменные свидетельства о северных народах появились ещё в XIV веке, ведь не только русские люди осваивали северные земли, одновременно с ними торили сюда дороги и европейские мореплаватели. Они путешествовали, используя уже накопленную к тому времени информацию об Обском Севере и опубликованные в Европе географические карты, изображающие «Московию» и «Татарию».

А ещё первые картографы были шпионами, впрочем, эту грань их интересов они старались широко не афишировать. Но, тогда ещё Московским княжеством, тоже не наивные дураки управляли. И хотя правительство, заботясь о приобретении возможно точных сведений о северо-западной части Азии, в то же время насколько возможно препятствовало проникновению туда иностранцев. Например, приехавшему в 1492 году в Москву немцу Михаилу Снупсу, хотевшему подробно ознакомиться с русской землёй, и, между прочим, желая ехать в «страны полунощные и на восток к берегам Оби», великий князь Иоанн III Васильевич не позволил ехать дальше столицы. Впоследствии он отписал византийскому императору Максимилиану:

«Из дружбы к вам мы ласково приняли человека вашего, но не пустили его в страны отдаленные, где течет река Обь, за неудобностью пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для собирания дани, подвергаются немалым трудам и бедствиям».⁷

В 1542 году литовский картограф А. Вид составил карту Московии от Балтики до Оби. На ней впервые была изображена река Обь. На карте есть надпись «абьдори» (обдоры). Упоминаются также вогуличи и югры. В 1544 году в городе Базеле, Швейцария, была издана знаменитая «Космография» С. Мюнстера. В её состав входила карта, показывающая расселение остяков и вогулов, местоположение города Сибирь, старое название Искер, находившейся в районе нынешней Тюмени и Обдорска. Кроме этого в Вене в 1549 году вышли «Записки о Московских делах» австрийского посла в России Сигизмунда Герберштейна. На картах, приложенных к этим «Запискам...» была нарисована река Обь с притоками – реками Иртыш и Сосьва. Всю эту территорию картограф назвал Югрой, в отличие от Сибири, которая почему-то была обозначена на карте южнее.

Северные, «неизвестные» просторы привлекали своими неисчислимыми «легендарными» богатствами. Эти слухи доходили и до Москвы, и там же эта информация поступала к очень заинтригованным иностранцам, которых в столице жило немало. В 1517—1526 годах, живя в Москве, Герберштейн, собирая сведения о путях и богатствах Сибири, встречался с С. Ф. Курбским, который многое ему поведал из своего похода в Югру во время попытки покорения отдалённых племён. Многие Герберштейн почерпнул из, так называемого «Югорского дорожника», записанного со слов новгородских купцов на рубеже XV—XVI веков. В нём давалось описание древнего и очень опасного пути за Камень, так в древности назывались

⁷ Шемановский И. С. Хронологический обзор... – С. 116..

Уральские горы, к Ледовитому океану, проходившему через систему рек и волоков через горы, по тайге и тундре.

Одной из знаменитых стала карта, составленная в 1562 году англичанином Дженкинсоном, несколько раз бывавшим в России. Эта карта Московского государства, ставшая едва ли не самой известной в Европе, особенно после того, как её включил в свои картографические атласы фламандский картограф А. Ортелий, была довольно точной. Здесь был изображён бассейн реки Обь, причём её левобережье называлось Обдора, а правобережье – Югория. В конце века Ортелий издал ещё одну, специальную карту, под названием «Татария».

Русские купцы тоже были заинтересованы в точных знаниях, которые помогали в освоении северных богатств. Братья Строгановы поручили голландцу Оливье Брюннелю, состоявшему у них на службе, пройти через Карские ворота. В 1576 году он обогнул полуостров Ямал и вошёл в Обскую губу. Поход завершился удачно лишь благодаря кормщику-помору, хорошо знавшему те места. Брюннель поделился своей информацией с Меркатором, составлявшим в то время свой знаменитый «Атлас», который увидел свет в начале XVII века. Там Обский Север изображён достовернее, чем на других картах того времени.⁸

Русские картографы не отставали от своих европейских коллег. Чертежи и росписи новых земель, поступавшие в Москву от служилых людей, направляемых в Сибирь, позволили составить в 1629 году карту всей известной к тому времени части Сибири. А дальнейшее знакомство с новыми землями и развитие здесь путей сообщения позволили тобольскому воеводе П. И. Годунову составить в 1667 – 1678 годах «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указанию царя Алексея Михайловича».⁹

Одним из самых известных картографов, имя которого известно и сейчас, стал Семён Ремезов. В январе 1696 года правительство потребовало составление чертежа Сибири на холсте. Этим занялся «тобольский сын боярский Ремезов с сыновьями».¹⁰ Через два года сей труд, названный «Чертежной книгой Сибири», был послан в Сибирский приказ, в Москву. Эти карты стали на долгое время основными картографическими документами, и обессмертили имя Семёна Ремезова. Сибирский картограф довольно точно изобразил Обскую и Тазовские губы, различные населённые пункты, существовавшие здесь к началу XVII века, в том числе Надымский городок и Мангазею.

Участники Великой Северной экспедиции, проходившей с 1733 года по 1743 год произвели детальную съёмку восточного и северного побережья полуострова Ямал и обследовали Обскую губу. Результаты этих исследований послужили основанием для составления первой точной карты Ямала.¹¹

Ночной Директор вновь подумал, что ещё древний человек стал рисовать планы окружающей его местности, хотя воистину, первым было всё же слово. Ведь объясняя какому-то непонятливому соплеменнику, где он наткнулся на логово зверя или нашёл вкусные плоды, и как туда лучше добраться, в итоге оказалось проще нарисовать схему движения. Действительно, ведь и на самом деле гораздо проще нарисовать план, чем долго растолковывать на пальцах, особенно если человек плохо знаком с окружающей его местностью.

Человек торжественно обратился к лежащим картам:

– Конечно, средневековые завоевания в северной Азииполнили казну русскую мехами, шкурами и многим другим ценным товаром, но не только этим славна та эпоха. Ведь именно в эти времена происходило интенсивное изучение края, а значит, дополнялись и уточнялись

⁸ Коч – русское полярное судно... – С. 35.

⁹ Ямало-Ненецкий национальный округ. – С. 36—49.

¹⁰ Хронологический обзор... – С. 145.

¹¹ Ямало-Ненецкий национальный округ. – С. 36—49.

карты, эти незаметные, но такие незаменимые помощники всего человечества. Рискуя жизнью люди закрашивали многочисленные «белые пятна», таким образом спасая других, идущих за ними следом. Спасибо вам от всего человечества.

Но карты безмятежно молчали, никак не реагируя на пафосные речи Ночного Директора. Наверное, они хотели нарисовать свой мир, но пришлось подчиниться людям. Но именно такие карты, дошедшие до нас сквозь бури времени, зачастую являются единственными свидетелями давно ушедших эпох и отражают мировоззрение их создателей и современников.

Первые дорожки, по которым двинулись русские купцы и другой люд в Сибирь, проторили ещё новгородцы. Кроме них северные земли стали бойко посещать зыряне. Ещё в 1093 году они прорубили лес от Урала до Оби и проложили дорогу через реку Вогулку до реки Сосьвы. Дорога эта так и называлась «зырянскою».¹² Но ещё задолго до этого, в 1032 году, удалые новгородские промышленники предприняли поход «к железным воротам», то есть к Уральским горам, окончившийся неудачно, отряд был побеждён юграми «и вспять мало их возвратишася, но мнози там погибоша».¹³ Вооружённые стычки продолжались ещё не один век, хотя новгородцы уже к 1265 году считали Югру своей волостью.¹⁴ Впрочем, сибирские племена так не считали, они защищались от пришельцев как могли. Например, в 1357 году в этих землях вместе со всей дружиной сгинул некий Самсон Кольванов. Можно смело предположить, что это был один из тех отважных искателей приключений, который набрав «толпу себе подобных удальцов, проникали в Северо-Западную Азию, надеясь обогатиться посредством беспощадных грабежей в земле Югорской. Одним из таких предприимчивых людей это удавалось, другим такое отважное предприятие обходилось ценою жизни».¹⁵

После того, как Иоанн Грозный утопил новгородскую самостоятельность в крови, эти «сибирские земли» стали принадлежать московским царям, а самим новгородцам пришлось отойти от активных торговых дел. Кстати, у Ермака было несколько проводников-зырян, так что глупо думать, что он отправлялся наобум.

Впрочем, царь Иоанн Васильевич ещё до своего жестокого налёта на Новгород интересовался Сибирью. Одна из летописей повествует, что в 1465 году, кстати, в это время будущий грозный царь ещё был великим князем, велел «Югорскую землю воевати». Поход был удачным «полону много вывели, а князей Югорских к великому князю Ивану Васильевичу на Москву привели». Иван IV пожаловал их княжением и отпустил их домой, положив на них дань.¹⁶ Но даже спустя шесть лет, граждане Великого Новгорода продолжали считать эти волости своими.

Европейцы издревле тоже искали сюда дороги. Судя по дошедшим до нас скандинавским сагам, первыми стали люди фиордов – викинги. В этих сагах есть описание страны Биармии, находящейся у берегов Белого моря. А арабские летописные источники XII века даже утверждают, что их отдельные корабли заходили и дальше:

«Волжские болгары узнали от югры, что севернее Йуры на море Мрака живут «береговые люди», которые «плавают в море без нужды и цели, а лишь прославляя самих себя, что вот, мол, они достигли такого-то и такого-то места...».¹⁷

Потом за дело взялись голландцы и англичане. В XVI веке в Лондоне даже была организована «Московская компания». Было предпринято несколько попыток пройти северным

¹² Хронологический обзор... – С. 111.

¹³ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 111.

¹⁴ Хронологический обзор... – С. 113.

¹⁵ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 113.

¹⁶ Хронологический обзор... – С. 114.

¹⁷ Коч – русское полярное судно... – С. 33.

морским путем в Китай. В этот период все искали дороги то в Китай, то в Индию, правда, при этом находили совсем другие земли и даже на неизвестный континент случайно наткнулись. Но чаще всего экспедиции безвестно исчезали и в лучшем случае находили их останки. У теплолюбивых европейцев не было опыта северных зимовок, поэтому экипажи гибли, если корабль затирало тяжёлыми морскими льдами. Есть воспоминания свидетелей, находивших последний приют отважных мореходов.

Один иностранный исследователь, описывая попытки англичан и голландцев в XVI – XVII веках пройти через Карское море, верно заметил:

«Каких трудов и несчастий избавились бы голландские и английские мореплаватели, отыскивая северо-восточный путь в Индию, если б могли пользоваться гидрографическими познаниями, которые в Великом Новгороде известны были за несколько сот лет до того».

Со временем многим становилось ясно, что этот путь не так прост, как это представлялось вначале. Совсем другие условия плавания, другой климат, к тому же весьма короткая и ненадёжная навигация делали этот путь смертельно опасным.

Не все экспедиции возвращались домой. Например, в 1553 году англичане снарядили три корабля. Они взяли много торговых товаров и запасов продовольствия на два года. Пройдя Скандинавию, эскадра попала в бурю, и лишь один корабль смог дойти до устья Северной Двины. Остальные зимовали в устье реки Архина. Через год их обнаружили карелы:

«Стоят они на якорях в становищах, а люди на них все мертвы и товаров на них много».¹⁸

Англичане со временем поняли, что торговать можно не только с далёкими и загадочными китайцами, но и с северными аборигенами. Экспедиции, отправившейся в 1580 года под начальством А. Пэта и Ч. Джекмана, были даны инструкции, в которых говорилось, что местом зимовки может быть река Обь или ближайшие к ней места. А ещё их особо предупредили:

«Найдя на этой зимовке людей – будь то самоеды, югра или молгомзеи – обходитесь с ними мягко».¹⁹

Вероятно, в старой доброй Англии стали потихоньку осозновать, что Сибирь далеко не их колония, и с помощью «огня и меча», как они привыкли действовать во всём мире, этот жестокий способ здесь себя не оправдывал.

Вероятно экспедиция всё же достигла острова Вайгач, но дальнейшая её судьба осталась неизвестной. На защиту аборигенов как всегда встала сама природа. Скорее всего и эту экспедицию затёрли тяжёлые паковые льды. Судно разломало, а люди погибли от холода и голода.

Воспоминания судьбы многих экспедиций иностранцев-мореплавателей Ночной Директор иногда ехидно думал:

– А вот было бы весьма любопытно узнать, какова судьбинушка постигла бы испанцев, возглавляемых хотя бы тем же Торквемадой, который умудрился подчинить себе многие американские племена, если бы судьба его выкинула на берега Сибири. Ох, боюсь, что местные племена ещё долго бы слагали свои героические песни о том, как приплыли из-за моря глупые люди и попытались их завоевать. А потом косточки, погибших от метких стрел местных охотников, сглодали бы всеядные песцы.

Хотя недаром потомки назвали эти времена Эпохой Великих Географических Открытий. Благодаря смелости этих людей, на планете закрашивались многочисленные «белые пятна». Впрочем, удивление европейцев не знало границ, когда они вдруг выясняли, что в самых отдалённых уголках Земли живут люди.

¹⁸ Коч – русское полярное судно... – С. 33–34.

¹⁹ Коч – русское полярное судно... – С. 34 – 35.

Позже предпринимались ещё попытки достичь отдалённые земли. В 1595 году голландская экспедиция тоже не смогла преодолеть тяжёлые льды Карского моря, и была вынуждена повернуть вспять.

Можно легко представить их разочарование и досаду, когда эти всемирно прославленные мореходы на своём пути встретили два обычных русских судна поморов-промысловиков. У них экспедиционеры собрали сведения о полуострове Ямал, Обской губе и о проходе на реку Енисей. На следующий год, новая экспедиция под руководством уже Виллема Баренца, отправилась штурмовать Северный морской путь. Но, как и их предшественников, судно знаменитого мореплавателя было затёрто льдами. После зимовки, возвращаясь на лодках, они тоже встретили два русских судна, оказавших им помощь. В этом плавании Баренц умер.²⁰

Увы, освоение Северного морского пути было сопряжено со страшным риском, и вдоль всего этого пути есть немало могил, свидетельствующих, как опасен он был. И в тоже время по нему спокойно ходили русские поморы, новгородские ушкуйники. Так что Карское море иностранцам так и не покорилось. Но, в то же время, русские освоились здесь весьма неплохо, знали дороги и условия плавания, успешно торговали с аборигенами.

Англичане, со свойственной им практичностью вскоре поняли, что не надо искать дорогу к китайцам, а можно также выгодно торговать с аборигенами Севера. А вот это уже не на шутку встревожило царский двор. Ведь ещё при Иване Грозном из Сибири вывозилось шкур на двадцать тысяч рублей. Весьма немалая сумма по тем временам.

Ещё царь Фёдор строго предписывал сибирским воеводам, чтобы они «не выпускали оттуда в Бухарию ни дорогих соболей, ни лисиц чёрных, ни кречетов, нужных для царской охоты и для даров европейским венценосцам».²¹

Русский историк Карамзин в своём труде «История государства Российского» описывал богатства Севера:

«Для богатства внешнего россияне имеют: меха собольи, лисьи, кунии, бобровые, рысьи, волчьи, медвежьи, горностаевые, беличьи, коих продается в Европу и в Азию (купцам персидским, турецким, бухарским, яверским, арменским) на 500 тысяч рублей.

Лучшие соболи идут из земли Обдорской, белые медведи – из Печерской, бобры – из Колы, куницы из Сибири, Мурома, Перми и Казани, белки, горностаи – из Галича, Углича, Новгорода и Перми».²²

Ночной Директор музея прошёлся вдоль высоких витрин, в которых были разложены свидетельства далёкого прошлого Сибири. Под его шагами тихо поскрипывали половицы, и больше ничто не нарушало монотонную тишину этого зала. Хотя если внимательно взглядеться в историю освоения северных окраин Российской империи, то шума тут будет очень много. Здесь и лягг военного железа, и крики ратников, и стоны умирающих. И над всем этим, манящее, тихое и мягкое шуршание мягкого золота Сибири – пушинны, за которой и ехали в этот неведомый край.

И, конечно же, разговоры купцов.

Человек усмехнулся.

– Конечно, торговля дело хорошее, но для начала всё же неплохо бы было фактически присоединить эти земли к российской короне, чтобы самим спокойно торговать. А то получалось как-то неправильно. Вроде бы сибирские земли в царском титуле есть, а на самом деле там хозяйничают татары, впрочем, многие местные племена вообще жили сами по себе.

²⁰ Коч – русское полярное судно... – С. 35.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4-х книгах. Книга четвертая (т. X – XII). – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – С. 124.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. – С. 124.

От мыслей о сибирских товарах, которые уверено завоёвывали европейские рынки, он задумался о том, почему всё-таки именно собольиные меха вдруг стали такими популярными. С горностаями всё более-менее ясно, издревле из них шили королевские мантии, к тому же использовали при изготовлении геральдических щитов. А вот соболь, тут вопрос гораздо шире. Мало того, что меха этого зверька чрезвычайно ноские, лёгкие и тёплые, так ещё в его ворсе не мог жить вши. А ведь вся Европа буквально зачёсывалась от этих мерзких насекомых. Дошло до того, что модники даже различали цвет вшей, когда шили себе платья.

Ночной Директор негромко рассмеялся:

– Вот как, оказывается, бывает, от этих вредных насекомых напрямую зависело благосостояние целой страны. Получалась такая торгово-социальная цепочка: вши – меха – царские закрома. Ну, может немного утрировано, но в целом всё верно. Ну, кто бы мог подумать, что в мире всё так связано!

III глава

Ермак Тимофеевич – кто ты?

Ночь неспешным тихим шагом идёт за стенами музея. Горят уличные фонари, спешат домой припозднившиеся прохожие, город засыпает, устав от дневной суеты. А утром, отдохнув, с новыми силами люди снова начинают пытаться решать свои проблемы, большие и малые, радоваться и огорчаться, куда-то торопиться или равнодушно сидеть в кресле и смотреть телевизор. Каждому выпал свой удел.

Только ночью все равны: сильные и слабые, смелые и трусливые. Во сне каждый живёт своей жизнью, покрытой тайной даже для него самого.

Ночной Директор продолжал прохаживаться от витрины к витрине, вглядываясь в седую старину Сибири, представленную немногочисленными экспонатами, дошедшими до нас чудом. За день здесь ничего не изменилось, так же как и в средневековой истории. Но он знал, что ничего постоянного не бывает, так же как и в научной истории. Если хорошенько, непредвзято изучить дошедшие материалы, то можно увидеть много нового и интересного. И даже, – о кощунство! – попробовать увидеть свою картину прошедшего, причём мало похожую на написанную корифеями-историками.

Ночной посетитель подошёл к высоким, неярко освещённым витринам. Здесь, за стеклом висели кольчуги, шапки, ружья, то есть всё то, без чего ратным людям в то время выжить было невозможно. Глядя на тусклое воинское железо, кое-где покрытое ржавчиной, на шапки без деревянных накладок, порванные кольчуги, ночной обходчик музея невольно задумался, как же прихотливо может идти путь развития человечества. По каким, неведомым законам накатывается будущее, через настоящее в прошлое.

Или наоборот? Как знать...

Да чего там далеко ходить, взять хотя бы далёкое прошлое Сибири. Ведь история русского присутствия, вернее московского, началось задолго до дерзкого похода Ермака со товарищи. Но и здесь, как это обычно бывает, этот дерзкий рейд в далёкие земли явился лишь следствием многих событий, в которых причудливо переплелись международное положение стран, амбиции людей, и, конечно же, Его Величество Случай. И всё это вкупе привело к тому, что жизнь в Сибири начала просыпаться и закипать, влияя на всю мировую политику и жизнь отдельных людей.

Разглядывая воинский доспех, человек вспоминал историю присоединения Сибири к Русскому государству. Он отлично понимал, что здесь надо, хотя бы для начала, представить, что тогда творилось в стране и мире в целом.

А обстановка в Русском государстве в XVI веке сложилась весьма сложной. Карамзин в своей «Истории государства Российского» верно описал положение существующих дел:

«Господство наше за Каменным Поясом было слабо и ненадежно: татары сибирские, признав Иоанна своим верховным властителем, не только худо платили ему дань, но и частыми набегами тревожили Великую Пермь, где был конец России. Озабоченный важными, непрерывными войнами, царь не мог утвердить ни власти своей над отдалённую Сибирью, ни спокойствия наших владений между Камою и Двиною, где уже издавна селились многие россияне, привлекаемые туда естественным изобилием земли, дешёвизною всего нужного для жизни, выгодною мены с полудикими соседственными народами, в особенности богатыми мягкою рухлядью».²³

²³ Карамзин Н. История государства Российского. – С. 124.

Разглядывая копию древней карты лежащей в глубине витрины, ночной посетитель раздумывал, что не только этим объяснялась задержка в реальном присоединении Сибири к Москве. Ведь в стране были и более насущные проблемы. Взять хотя бы затянувшуюся борьбу с казанскими и астраханскими ханствами, на юге страны происходили постоянные грабительские набеги крымцев. Продолжались безуспешные попытки выхода Русского государства к Балтийскому морю, а если ещё добавить нападения шведских и ливонских рыцарей на Новгород и Псков, то картина видится ясной, но какой-то мрачноватой.

Кстати, совсем неплохо бы заглянуть ещё глубже в историю Руси, вспомнить о княжеской междоусобице и татаро-монгольском иге и становится предельно ясно, почему Сибирь долгое время лишь на словах принадлежала московским князьям, а потом и царям. На самом же деле, кроме редких сборов государева ясака и редких изъявлений покорности Москве от местных князюв, это были независимые земли, на которых жили свободные племена. Так что в кремлёвских палатах могли лишь бессильно наблюдать, как татары закреплялись на этих территориях.

Ночной Директор снова покачал головой, на этот раз соглашаясь со своими мыслями:

– Ведь сколько раз бывало, что при освоении новых земель, львиную долю забот на себя брали энергичные люди, надеющиеся получить из этого прибыль. Хотя, впрочем, подобное развитие событий происходило и в других странах и континентах.

Мировая история полна примеров, когда решение проблем, с которыми не в силах была справиться вся государственная машина страны, ложилась на плечи простых людей. И у философски настроенных исследователей закономерно возникает вопрос. Кто делает настоящее, которое станет прошлым? Люди или события? Что более важно в истории? Над этим вопросом давно спорят историки. Что от чего зависит. И зависит ли? А может быть всё predetermined, и любые усилия ни к чему не могут привести, потому что так кем-то задумано, и нам просто не понять этих великих замыслов? Может и правы некоторые исследователи, что самый знаменитый предсказатель всех времён и народов Мишель де Нострадамус просто-напросто вычислил все грядущие события. Якобы ему удалось найти некие закономерности, по которым развивается человеческое общество. А дальше всё было просто, подставляй данные в формулы, а ответы шифруй в стихотворных катренах. И пускай потомки ломают головы, расшифровывая эти послания будущего, и строя предположения, как он получил эти предсказания. А потом ещё интерпретируют их в меру своих сил и знаний.

Разглядывая немых свидетелей прошлого, ночной посетитель в очередной раз пытался понять, как казакам, этой горстке отчаянных людей удалось разгромить Сибирское ханство. Ведь это именно они вновь присоединили Сибирские земли к Московскому государству. Глупо думать, что татары испугались огнестрельных ружей. Присматриваясь к оружию, выставленному в витрине хорошо видно, как трудно и долго перезаряжались ружья тех времён. К тому же точность попадания была низкой. Даже спустя два века положение в оружейном деле мало изменилось. Недаром, тот же Суворов уже в XIX веке, воскликнул: «Пуля дура – штык молодец». Значит, после залпа приходилось браться за холодное оружие, и тут уж кто кого. Жизнь уже зависела не от глупых грамм свинца, а от ловкости и силы рук, надёжности кольчуги, панциря и шлема, от остроты стали клинка, верности соратников.

Тактика боя в те времена была довольно простой. Летописцы описали решительное сражение, разгоревшееся у Чувашской горы, где находился последний рубеж обороны перед городком Искер, именно там располагалась ханская ставка:

«Казаки выстраивались в каре. Стрельба из пищалей велась непрерывно. Дав залп по атакующей коннице, стрелки укрывались внутри каре, перезаряжали оружие и снова выходили в первые ряды. Татары понесли крупные потери, но прорвать ряды ермаковской дружины так и не смогли».

Этому знаменательному событию предшествовало несколько сражений. Но решающей оказалась битва у Чувашской горы, которая произошла 23 октября. До этого русские ратники захватили два татарских городка: Карачин и Атик, прикрывавших ханскую ставку, и лишь после этого выдвинулись в сторону Искера, но надо было ещё преодолеть последние укрепления, располагавшиеся именно у Чувашской горы, и уже оттуда открывалась дорога в столицу. Казаки решительно пошли на штурм, тем более отступить им был некуда.

Но вот почему превосходящие силы татар не смогли разгромить наглых пришельцев? Историки считают, что во время решительного боя татарский военный начальник Маметкул допустил грубую стратегическую ошибку, которая очень дорого обошлась татарам, а в дальнейшем решила исход всей войны за Сибирское ханство. Дело в том, что, успешно отразив две атаки казаков, ободрённый малочисленностью их дружины, он велел разобрать засеку, за которой они успешно держали оборону, и вывел свою конницу в поле, полностью уверовав в свою победу. Командующий полагал, что пешие казаки не устоят против конницы, но жестоко просчитался. Дело в том, что привыкнув сражаться с местными князьками, имевшими весьма отдалённое представление о современной тактике ведения боя, он не учёл, что казаки, напротив, имели богатый военный опыт, приобретённый ещё на Волге во время бесчисленных стычек с татарскими войсками, к тому же учившимися и на других театрах боевых действий в Европе. А отвага и железная дисциплина в их рядах сыграли свою важную роль.

Неудача в полевом сражении сильно сказалась на моральном духе татарского воинства. Отборная ханская конница понесла большие потери в бесплодных атаках, а насильно собранное войско из местных племён, начало разбегаться. Вогульские и остяцкие отряды, составлявшие немалую его часть, покинули его и вернулись к своим домам. Город Искер оказался беззащитным, поэтому ночью хан Кучум покинул свою столицу, и уже днём 26 октября 1582 года Ермак с дружиной вошёл в столицу Сибирского ханства.

Конечно, война на этом не закончилась, понадобилось ещё более десяти лет, чтобы окончательно разгромить хана Кучума и закрепиться в Сибири.

В мировой истории полно примеров, когда имя человека, совершившего великое деяние, почему-то быстро забывалось, и уже следующее поколение могло с трудом вспомнить, кто же это такой был. А бывало и наоборот. Ничем непримечательное с исторической точки зрения событие, вдруг становилось весьма значительным для современников и потомков. Почему так происходит? Отчего к одним деятелям история благосклонна, а имена других быстро покрываются пылью забвения? Трудно сказать. Но бывает и так, что потомки всё-таки воздают по заслугам своим предшественникам. Память о таких героях живёт долго, потому что она уходит в народ. Как найти эти критерии, чтобы имя твоё надолго осталось в памяти? Наверное, если бы существовал ответ на этот животрепещущий для некоторых деятелей вопрос, то героев у нас было бы очень много.

За Уральскими горами ватага Ермака оказалась не случайно. Царь Руси Иоанн IV давно с подозрением относился к казачьей вольнице, обосновавшейся на Волге и Каспии. Но терпел, понимая, что только силой их оружия можно поддерживать порядок на южных рубежах страны. На Нижней Волге кочевали татары из состава Большой Ногайской Орды, и именно они постоянно тревожили порубежье Руси. Отрядом казаков в то время командовал Иван Кольцо, ставший сподвижником Ермака в будущем Сибирском походе.

В истинных намерениях татар в тот момент разобраться было трудно. Но события развивались следующим образом. Князь Урус направил своего посланника в Москву, и дал ему в сопровождение триста всадников. Один из этих отрядов начал вероломно грабить русские приграничные сёла. По приказу из Москвы казаки начали их преследовать, но по ходу событий так увлеклись, что разгромили и татарский посольский караван. Царь не простил бесшабаш-

ному атаману разгром официальной делегации, ибо любой ценой старался удержать ногайцев от враждебных действий. Царское терпение наконец-то лопнуло. Казак, доставивший в Москву пленника, был обезглавлен, а Иван Кольцо и его соратники были объявлены «ворами», то есть государственными изменниками и приговорены к смертной казни. Об этом было сообщено Урусу. Но казаки продолжили военные действия на свой страх и риск, их смелые рейды производили куда большее впечатление, чем увещевания царских дипломатов. Тогда ногайские мурзы пожаловались в Москву, что от «казаков житии безстрашно». К этому времени на этом театре военных действий вновь объявился Ермак и у казаков появился реальный шанс окончательно разгромить беспокойную орду. К этому моменту Иван Грозный вконец осерчал и послал карательную экспедицию, на этот раз против своевольных казаков. Но казакам повезло, им как раз подоспело приглашение от купцов-солепромышленников братьев Строгановых, обосновавшихся в Сибири, и терпевших большие убытки от набегов других татар – сибирских. Казачий круг принял решение о походе в неведомый Сибирский край. Руководителем экспедиции казаки выбрали атамана Ермака Тимофеевича, а в помощники ему определили атамана Ивана Кольцо, Богдана Брязгу и четырёх есаулов. Но некоторые решили остаться на месте, наверное, они не поверили, что царь пойдёт против них с огнём и мечом. Но вскорости те, кто остался на Волге, сильно пожалели об этом, карательная экспедиция никого не пощадила.

Но и в Сибири вольный казацкий дух не нашёл понимания. В итоге братья были рады откупиться от беспокойных пришельцев, снабдив их оружием, провиантом, даже знамёнами, и отправив в сибирские дебри, так сказать «с глаз долой из сердца вон».

Человеческая память устроена очень хитро, всё плохое, как правило, забывается. Недаром в народе говорят – память милосердна. Народная память во многом устроена также. С течением времени мрачные моменты в истории забываются, герои былого идеализируются, отрицательные черты характера обеливаются, их ошибки растворяются в героических эпохах. Для потомков они становятся эдакими идолами, с которых надо брать пример. На самом деле ведь всё происходит по-другому. Святых при жизни не бывает.

Вообще-то сведений о ермаковском отряде не так уж и мало. Особенно в период их пребывания в Сибири. Хотя и мифов и легенд в народной памяти ещё больше. Сохранилась летопись под названием «Повесть о взятии Сибирския земли» где описывается начало похода лихой дружины. Там очень точно были подмечены особенности казачьих характеров:

«В лето 1579 года апреля в шестой день слышали Семен и Максим Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволжских казаков Ермака Тимофеева. Того же году июня в 28-й день придоша с Волги атаманы и казаки Ермака Тимофеева Поволжского».

Сейчас почему-то многие думают, что Ермак специально отправился покорять Сибирское ханство. На самом деле всё было немного не так. Злопамятный царь прислал грамоту, в которой повелевал Строгановым выдать «воров»:

«Приказываю вам немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и в Усолье Камское, где им должно покрыть вины свои совершенным усмирением остяков и вогуличей; а для безопасности ваших городков можете оставить у себя казаков сто, не более. Если же не исполните нашего указа; если впредь что-нибудь случится над Пермскою землею от пелымского князя и сибирского салтана: то возложим на вас большую опалу, а казаков-изменников велим перевешать».

Вот так, в лучших традициях того времени, без всяких излишних затей, лишь угрожая «неминучей» смертью, казацкую дружину было велено переподчинить. Говоря другими словами, они должны были служить под руководством царских воевод, а для свободолюбивых и рискованных казаков это было чревато непредсказуемыми последствиями. Поэтому опальным казакам рассиживаться у Строгановых было весьма опасно. К тому же отношения между ними

и богатыми солепромышленниками очень быстро испортились. Братья уже были не рады, что пригласили их на защиту своих интересов, уж слишком независимо удалыцы себя вели. Так что к этому времени казаки уже были готовы, во всех смыслах этого слова, выступить в военный поход. К тому же подвернулся удобный случай, татары разграбили несколько городков и торговых караванов. Для самих казаков это был обычный «набег за зипунами», то есть грабительский налёт на неприятеля, как они привыкли это делать на Волге. И ничего боле! Просто истории было угодно распорядиться так, что «набег» превратился в полноценную войну с Сибирским ханством, закончившуюся небывалой победой горстки отчаянных храбрецов.

Для казаков этот поход в бессмертие начался 1 сентября 1581 года.

На них обрушивались всевозможные беды: вражеские стрелы и лютые морозы, болезни и голод. Противник наносил то массированные, то тонко продуманные, неожиданные удары, но всегда получал достойный отпор. В этом походе случалось всякое: короткие, быстротечные стычки, и длящиеся по целому дню сражения, открытые демонстрации своей силы и хитроумные засады, встречные бои и преследования, долгие перестрелки и ожесточённые рукопашные схватки, многомесячные осады и молниеносные захваты крепостей в ходе яростных взятий приступом. Казаки с честью вышли из всех передраг.

Есть несколько важных причин, почему сибирские татары были всё же побеждены, несмотря на то, что они были очень хорошими воинами. Ведь недаром же татарские орды когда-то смогли завоевать огромные территории, разгромив многие прекрасные армии Европы. Но, как говорится, не что не вечно в этом подлунном мире, боевая молодость проходит. Вот и грозные, наводящие ужас татаро-монгольские орды со временем обросли жирком, погрязли в междоусобицах и стали терять свой воинский дух. Конечно же, не до конца, рядовые воины были по-прежнему опасными противниками. Всё-таки татары умудрялись держать в повиновении местные племена, многие из которых были весьма воинственными. Другую причину победу казацкого оружия назвал кандидат исторических наук Анатолий Шашков, остроумно назвав казаков «терминаторами средневековья». Дело в том, что они могли не только сражаться, но и строить лодки, дома и острожки, сеять хлеб, охотиться и рыбачить, да мало ли каким делом им приходилось заниматься, чтобы выжить. К тому же в казачьей вольнице была железная дисциплина. А ещё они были неплохими дипломатами, старавшимися найти общий язык с местными племенами, не доводить с ними дело до вооружённого конфликта. И, конечно же, у них были хорошие военачальники, причём не искавших мировой славы, а просто хорошо знавших и делавших своё дело.

Жажда славы, вот ещё один двигатель, заставляющий пускаться во все тяжкие, искать приключений. Но потомки могут и не оценить этих потуг. Вот поэтому и называют их после этого, то благодарными, то неблагодарными. А ведь у ныне живущих уже появляются свои герои дня, которые затеяют предыдущих. И как был прав тот, кто заметил, что слава быстротечна. Лишь история расставляет всё по своим местам. И почему зачастую получается так, что человек при жизни совсем не стремившийся к этому эфемерному понятию как слава, вдруг после смерти обретает её?!

Августовской ночью 1584 года в стычке с татарами погиб Ермак. И как гласит «Строгановская летопись» оставшиеся казаки «седоша в струги своя августа в 15 день и погребоша вниз по Обе». Далее в летописи пишется, что именно эти ратники «укрепили» Обдорск, «называемый самоедами Сале-гарт, то есть мысовой город», где размещалась резиденция остяцкого князя, а напротив него на реке Обь был построен городок Носовой, в качестве «заставы» для сбора государева ясака».²⁴

²⁴ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 122.

С Ермаком за Урал отправилось пятьсот сорок человек. И только около ста пятидесяти воинов вернулось. Позже они приняли самое деятельное участие в окончательном разгроме хана Кучума, в строительстве новых русских городков, освоении земель. Так что судьба разбросала бывших ермаковцев по всей Сибири. Сохранились сведения об их службе в Тюмени, Пелыме, Берёзове, Верхотурье и даже на Енисее. Но больше всего участников «сибирского взятия» осело в Тобольске. Многие из них неплохо продвинулись по службе, получив чины не только десятников и пятидесятников, но даже атаманов и «детей боярских», то есть бывшие государственные преступники, «воры», за свои заслуги получили разряд низших дворян, это был социальный потолок для лиц незнатного происхождения.

В тихом зале ночной посетитель отошёл от витрины и, усмехнувшись, вспомнил хранящийся в музейных фондах музея небольшую скульптуру Ермака и убеждённо пробормотал, стараясь не вспугнуть музейную тишину:

– Всё-таки как много в нашей истории предположений и домыслов.

До нас не дошло ни одного живописного портрета Ермака, да и вряд ли он существовал при его жизни. Портретов с «воров» и «разбойников», тогда никто не писал, а когда к атаману пришла официально признанная слава, его уже не было в живых.

Для нас, вся жизнь Ермака это красивые легенды и неуверенные предложения учёных. До сих пор осталось много неясного в судьбе этого человека. Дошло до того, что даже год создания формы для скульптуры, хранящейся в музее неизвестен. Известно лишь, что она была отлита в 1911 году на Каслинском заводе художественного литья. Фамилия автора – Забелле. Отливал скульптуру формовщик Плотиннов. Ни их имён, ни отчеств в музее нет, хотя наверняка эта скульптура имеет свою интересную историю.

Кстати, с именем и отчеством отважного атамана тоже не всё ясно. Даже до сих пор точно неизвестно где могила славного атамана.

Ночной директор размышлял, вернее, задавал вопросы себе и внимательно слушавшим его экспонатам.

– Так кто ты Ермак Тимофеевич? Человек, попавший в крутое течение событий, подчинившийся обстоятельствам, игрушка в руках высших сил, или же ты сам создал себя, когда шёл наперекор своей судьбе и злему року? А может, тебе это было предначертано, и ты просто с достоинством выполнил свой долг, о котором даже и не подозревал? Затмивший собой многих именитых и знаменитых твоих современников, о которых сейчас можно узнать лишь в энциклопедиях. А ведь они занимали в государстве Российском высокие посты, и многое сделали для пользы отечества. Так почему именно тебя выбрала судьба и история, чем ты отличался от своих товарищей по оружию, среди которых были и более опытные ратники, и старшие тебя по годам? Но именно твоё имя до сих пор хранится в народной памяти, звуча в старинном эпосе.

Но экспонаты по-прежнему молчали. А может, мы просто не умеем их слушать? Молчит история. А вот потомки не молчали, слагали о тебе и твоём воинстве песни, сказания и былины, которые дожили до наших дней.

Но вот официальные власти о подвиге казаков практически не вспоминали. Должно было пройти два века, прежде чем по указанию из стольного Петербурга было разрешено 26 октября 1881 года отметить день Сибири. Торжества должны были проводиться в губернском городе Тобольске. Но вот откуда взялась эта дата? Ведь поход казаков начался 1 сентября по старому стилю. Но именно в этот день казацкая дружина вступила в столицу Сибирского ханства – Искер.

Когда в Москве узнали об очередной победе русского, вернее, казацкого оружия в Сибири, то никаких торжеств по этому поводу не устраивали. Колокола не звонили, в церквях не устраивали торжественный молебен, и даже в летописях почти не упоминается об этом знаменательном событии. Может потому, что Иван IV переживал страшную утрату – незадолго до этого, в припадке ярости, ударом посоха, он убил своего старшего сына на которого возлагал большие надежды. К тому же злопамятный царь не забыл казачьих «подвигов», вынудивших их бежать в Сибирь. Потому вестника этой славной вести, Ивана Кольцо, он велел посадить в темницу. Но через несколько дней посланника освободили, и даже наградили. Его одарили двумя кубками для вина и двумя позолоченными панцирями, также царь простил все их прегрешения. Кстати, по одной из версий весёлых историков, именно эти царские кубки стали предвестниками сибирского пьянства. А вот официальные, если так можно выразиться, легенды гласят, что именно эти панцири, которые привёз Кольцо, сгубили Ермака. Во время последней стычки с татарами он был защищён сразу обоими панцирями, но они не спасли его жизнь, спасаясь вплавь от внезапно напавших татар, атаман под тяжестью царского подарка чуть-чуть не доплыл до лодки, и утонул.

Со временем в царской администрации о столь знаменательном событии в истории страны забыли, или не хотели вспоминать, чтобы не портить отношений с татарами. Лишь в народе не собирались забывать о подвиге Ермака «со товарищи». Так что торжества в честь присоединения Сибири приходилось устраивать частным лицам, отчего подробностей подобных празднеств до наших дней не дошло.

Но времена менялись. Ушли в прошлое национальные обиды, забылись причины многих сражений, Сибирь прочно вошла в состав Русского государства, а сами сибиряки стали играть заметную роль в жизни страны. Сколотив свои состояния в этих землях, они могли позволить себе устраивать праздники по своему вкусу. Поэтому трёхсотлетие присоединения Сибири к метрополии они решили отметить с размахом. Богатых сибиряков в Петербурге и Москве и в те времена жило немало, так что, имея большое влияние на власть, в 1881 году им удалось-таки получить разрешение у министра внутренних дел на проведение этих торжеств. Праздник, посвящённый дню Сибири, длился несколько дней, сибиряки проводили балы, увеселительные мероприятия и так далее. Для благотворительных целей была издана брошюра «300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1881 года. СПб. 1882 г.». Также была отпечатана Ремезовская летопись, где летописец подробно описывал поход казацкой дружины под руководством Ермака.

К сожалению, эта дата снова забыта.

IV глава

Сибирские землепроходцы

Человек продолжал разглядывать экспонаты, рассказывающие о первых сибирских землепроходцах, благодаря которым Сибирь была освоена и заселена русичами менее чем за один век, к большому удивлению всей просвещённой Европы, которая пыталась найти ещё что-то новенькое на планете, и вдруг, в один прекрасный день, европейцы неожиданно увидели, как далеко на Восток и Север стали простираться границы государства Российского. Можно только догадываться, какой силы был удар по их самолюбию, а ведь они привыкли считать себя самыми лучшими корабелями и мореплавателями, удачливыми первооткрывателями новых земель. Ночной Директор усмехнулся.

– То-то они и сейчас скромно умалчивают, что, например, на Аляске уже жили славяне. В водах Ледовитого океана уже ходили кочи новгородцев и поморов, а вот прославленные испанцы и англичане так и не смогли освоить эти беспокойные воды. Впрочем, это неважно, каждая нация хвалит только себя, и это правильно. Но вот что мне интересно, как и кем осваивались сибирские земли? Кто были эти люди? Как себя вели? Ведь сейчас появился какой-то глупый стереотип, порождённый чьим-то воображением.

Лампы из витрины мягко освещали его задумчивое лицо, и постоянные жители музея не решались прерывать его размышления, здраво рассудив, что лучше подождать и послушать, чем окончатся его раздумья.

И действительно, весьма любопытно, откуда взялся такой интересный штамп, который кочует из фильма в фильм, из книги в книгу, что все они были наделены какими-то добродетелями? Ну, если среди них попадался один или два подлеца, то их лихо и без долгих проволочек сурово наказывают, так сказать, для крутизны сюжета. А ведь на самом деле, конечно же, жизнь оказывалась гораздо проще, но интереснее и страшнее.

А ведь сейчас, говоря о сибирских первопроходцах, сразу возникает навязанный кем-то образ эдаких бородатых, здоровых мужиков, которые плывут себе не торопясь по реке на своих кочах, или пробираются сквозь тайгу на своих двоих. Конечно, народ там подбирался крепкий. И могли они в этой жизни всё сделать, и дом срубить, и коч построить, и поле засеять, и от врагов оборониться. Да и по-другому выжить в то беспокойное средневековое время было просто невозможно.

Так какими, на самом деле, они были эти русские первопроходцы, какие совершали поступки? И что их толкало на это? Вот что интересно на самом деле.

Ночной смотритель недовольно покачал головой и проиёлся вдоль витрин, потом хрустнул пальцами, и остановился около экспозиции, чтобы ещё раз рассмотреть чёрно-белые репродукции, на которых были изображены казаки. Легонько прикоснувшись рукой к прохладному стеклу, надёжно охранявшему от любопытных посетителей экспонаты, он тихо сказал:

– Нет, всё не то. О походе Ермака сказано и написано немало. О его некоторых сподвижниках тоже. Пускай эта информация и отдаёт легендами, но хоть что-то о них есть. Они уже стали легендарными героями, так что с них, так сказать, и взятки гладки, а вот весьма интересно узнать, какие характеры были у всех людей той поры. Ведь всё равно нравы были гораздо грубей, чем сейчас. И вообще, кто сюда шёл, что гнало их за многие сотни и тысячи вёрст от дома, в дикую загадочную Сибирь?

Ночной Директор тихо, чтоб не спугнуть устоявшуюся тишину в зале, продолжал рассуждать:

– Как жаль, что это не те рисунки, которые могут достоверно поведать и передать образ русского человека семнадцатого века. Так что придётся вновь обращаться к документам.

Заселение Сибири, по большому счёту, ничем не отличалось от аналогичных процессов протекающих и на других окраинах Русского государства. Как отмечают исследователи, люди сюда попадали двумя способами: или по своей воле, или служивые, которых посылало правительство.

Ну, если с первыми всё более-менее ясно – обычно это были купцы, промышленные люди, авантюристы или просто беглецы, одним словом, из дома они уезжали по собственной воле. А вот государевым людям приходилось гораздо сложнее, ведь их желания никто не спрашивал. И приходилось им бросать семьи, весь налаженный быт и отправляться за тридевять земель. Воеводы и головы, назначенные на службу в Сибирь, сами или через правительственных агентов набирали себе войско, отчасти из служилого класса, а также из разных вольных «охочих людей». Их иногда сопровождали посадские люди и крестьяне, даже бывали ссыльные.²⁵

Для освоения Сибири нужно было всё больше и больше народа. В кремлёвских палатах понимали, что усилиями одиночек, такой громадный край не освоить. Потому караваны становились всё больше и отправлялись всё чаще. И как это нередко бывало в истории России, все грандиозные замыслы правительства, гражданам приходилось осуществлять в добровольно-принудительном порядке.

Обычно подобный набор совершался так, сначала «прибирался» сотник, а он, в свою очередь, набирал в свою сотню десятников, а десятники уже рядовых казаков или стрельцов. Десятники с рядовыми служилыми давали «запись» такого содержания:

«Се аз десятник N, да его десятка (NN) ... поручились промеж себя всем десятком... у сотника в том быти нам на государеве службе в городе (N) на житье в стрельцах (или казаках конных или пеших) и государева служба служить, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зерню не играти, и не красти, и не бежати».²⁶

Если же кто из них сбежит по пути в Сибирь, то остальные наказывались. Нередко правительство переводило из Руси просто по государеву указу, в таком случае они никаких бумаг не подписывали, но по прибытии на место должны были присягнуть в том, что «пришли своими головами полное число»²⁷ и никто из родственников или «наймитов» их не заменил.

В царских палатах им выдавали проездные документы, из казны выделяли деньги «на подъём», то есть для обустройства на новом месте. Например, десятник получал два рубля двадцать пять копеек, рядовые женатые по два рубля, а холостые по полтора рубля. А вот дальше государство самоустранялось, все дорожные расходы ложились на плечи воевод и крестьян, через земли которых проходил этот караван. Они должны были снабжать царёвых людей подводами, лошадьми, продуктами. Естественно никакой компенсации никто не получал. Для многих жителей эти обозы с несчастными были сравнимы с татарскими набегами, память о которых была ещё свежа в народной памяти. Поэтому главной заботой всех обитателей местности, через которую проезжали будущие сибиряки, было как можно быстрее спровадить их дальше. А вот переселенцы же напротив, никуда не торопились. Действительно, куда им было спешить, Сибирь от них никуда не сбежит.

Подготовка к встрече беспокойного каравана начиналась за несколько недель до приезда обоза. Крестьяне готовили телеги, продукты, собирали деньги. Даже если переселенцы позволяли себе немного пограбить, то привыкший ко всему крестьянин считал, что ещё легко отде-

²⁵ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Сочинения в 2 т. Т.1. / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. мандрика. – Тюмень: изд-во Ю. Мандрики, 1999 г. – С. 183.

²⁶ Цит. по: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 188.

²⁷ Цит. по: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 188.

лался, жив остался и ладно. Потому что в большинстве случаев служивые люди этим не ограничивались.

Дошедшие до наших времён грамоты описывают беззакония, творившиеся во время проезда таких караванов:

«В 1593 году сын боярский с атаманом и казаками, едучи в Сибирь, воровали. В вотчине боярина Бориса Годунова крестьян били и грабили, жен крестьянских срамотили, убили из пищали крестьянина, а у многих крестьян коров, свиней побили и платье пограбили. И другие боярские дети с атаманом и казаками, отпущенными из Москвы, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали».²⁸

И подобные безобразия творились на землях Годунова, который был очень близок к царской семье, занимал видные государственные посты, а впоследствии сам стал царём. Так что уж говорить о других поместьях, городах и сёлах. Ведь часто переселенцы шли по Руси, как по вражеской территории, разоряя на своём пути целые уезды.

Вот один из наиболее ярких примеров переселения из России в Сибирь.

В 1635 году из Холмогор в Тюмень было переведено пятьсот стрельцов. Документы свидетельствуют, что весь их путь сопровождался страшным разбоем. Наверное, местные жители считали их хуже захватчиков, ведь сопротивляться против государевых людей было себе дороже. И им оставалось лишь одно – жаловаться царю.

Читая челобитные испуганных жителей, даже и не верится, что такое может быть, ведь все были гражданами одной страны, соотечественниками, одной веры, но документы вещь упрямая и безжалостная:

«Мы, государь, собрав все подводы сполна – всего 950 подвод, ждали их с конями более недели. А как они прибыли, то начали старосту Ваську, посадских целовальников и волостных крестьян и земского дьячка во дворе бить и увечить на смерть, и вымучили у нас денег 220 рублей».²⁹

Челобитчики добавляют, что переведенцы не спешили отправляться дальше, а прожили у них более недели, всё это время били людей, грабили и разоряли дома, к тому же забрали ещё много телег.

Отчаявшись, староста, земской дьячок, волостные целовальники нашли было убежище в избе воеводы Головачёва, но, как далее пишут страдальцы, им это мало помогло:

«Те же стрельцы со своими начальниками проникли туда и с пищальями, саблями, шпагами и опять их били, а воеводу ругали всякими матерными словесами».³⁰

Если такие бесчинства творились в городе, где был воевода со своими людьми, то легко себе представить, что творилось в деревнях, где никакой защиты против этой разбойничьей орды и в помине не было.

Тот же злополучный отряд стрельцов, когда отправился дальше, то продолжил опустошать деревни, которым не повезло оказаться у них на пути. Они не только забирали коров, овец, свиней и другую домашнюю скотину, но ломали житницы, выгребали всё зерно. Доставалось и крестьянам и проводникам – их жестоко били и мучили. Это привело к тому, что волости Усольского уезда опустели, а крестьяне оказались разорены.

Сейчас, конечно, нам неизвестно, верил ли царь сетованиям своих подданных, но когда жалобы челобитчиков всё же достигали кремлёвских палат, оттуда обычно следовал грозный указ воеводе того сибирского города, куда переводились служивые люди, приблизительно такого содержания:

²⁸ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 189.

²⁹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 190.

³⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 190.

«Сыскать накрепко и виновных бить батогами, сажать в тюрьму, животы их ограбить, а пушного вора повесить».³¹

Провинившиеся, разумеется, пытались оправдываться. Один из военачальников этого печально знаменитого отряда стрельцов отписал в Москву, что взяли они с крестьян более трёхсот рублей, и в другом уезде собирали деньги, но сколько, уже не помнит, а потом обеливает себя в глазах государя, обвиняя во всех грехах своих подчинённых:

«А когда я начал унимать их от воровства, то стрельцы, скопясь с товарищи, учили меня лаять матом, всякою непотребною лаею и хотели убить до смерти. А потом они поехали вперед и по деревням воровали, крестьян били и грабили».³²

Жаловались не только крестьяне центральных частей Руси, но и из самой Сибири приходили весьма тревожные известия.

Хорошо известна грамота патриарха Филарета к первому Сибирскому архиепископу Киприану, где он в самых мрачных красках описывает нравы тогдашнего сибирского общества.

Патриарх обращал внимание, что в сибирских городах многие служилые и «жилицкие» люди живут не по-христиански, а «по своей воле и своим скверным похотям». Многие крестов на себе не носят, не соблюдают пост, едят мясо и «всякие скверны» вместе с татарами, остяками и вогулами. Многие православные живут с некрещёными инородками, и даже дети у них есть. В грамоте отмечены факты крайне отвратительного полового разврата, господствовавшего как среди светского общества, так и в сибирских монастырях.

Несмотря на гневные царские указы о наказании виновных, исполнять их никто не торопился. Ведь в то время разбойничали почти все, у кого была сила и власть, тогда это было в порядке вещей, просто кто больше, а кто меньше позволял себе издеваться над беззащитными. Но тогда воеводе надо было наказывать практически всех, на что у него не хватило бы, ни сил, ни желания. Проще всего было просто отписать в Москву, как это обычно и делалось, что «в тюрьму виновных по сыску сажал и из тюрьмы выняв кнутом бил».³³

Простых переселенцев можно понять, они отправлялись в Сибирь как в последний путь. Никто не знал, что там их ждёт, а жуткие мифы о тамошней жизни только усугубляли положение.

Легче было воеводам, отслужив положенные два года, и сколотив в Сибири приличный капиталец, они возвращались домой. А вот их соратники чаще всего там оставались, продолжая осваивать всё новые и новые территории. Но большая часть, конечно, всё же оседала в новых городах и селениях, ведь человек ко всему привыкает. И едва только эти новые жители ставили свои дворы, как начинали бить челом государю, чтобы из Руси к ним отправили их семейства. А боярские дети, духовные лица, подьячие даже выписывали к себе своих крепостных. Таким образом, уже на второй год существования поселения, русских жителей становилось всё больше и больше, а Сибирь становилась их родиной.

Иногда, бродя ночью по музейным залам, вдруг начинаешь рассматривать историю под совсем другим углом зрения. Вернее, всё то же самое, кажется, ничего нового, но какая-то новая, едва уловимая мысль заставляет вдруг увидеть совершенно другие стороны прошлого.

Пытаешься поймать это неуловимое мгновение некоего озарения, зафиксировать, но мысль стремительно ускользает, оставляя лишь лёгкий осадок какой-то недосказанности, и от того становится как-то тревожно, будто упустил из внимания нечто важное. А может это и так, сущая безделица, не стоившая и минуты времени на размышления. Но от этого, почему-то легче не становится.

³¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 191.

³² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 191.

³³ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 192.

Ночной Директор, стоя один около витрины, продолжал размышлять о людях, которые осваивали бескрайние сибирские просторы, не жалея ни сил, ни живота своего.

Он удивлённо проговорил:

– Неужели весь их разгул был вызван только безнаказанностью и отчаянным положением, когда терять им уже было нечего? И страх перед неведомым притуплял другие чувства? Не верю. Нет. Не всё так было просто, как это может показаться на первый взгляд.

Существовал и ещё один аспект, о котором обычно умалчивают, рассказывая об истории средневековой Руси. Считается, что покорение Сибири началось с похода Ермака. Ещё добавляют, что так удачно сложилась внутренняя политическая обстановка в самой Сибири. Ведь татарское ханство к тому времени разваливалось из-за междоусобиц, а местные племена были недовольны их владычеством. И именно в этот, критический для татар момент, появились казаки.

Но есть и другое мнение, мало связанное с политическими, экономическими, социальными и другими причинами, предложенных исследователями.

Его выдвинул в своих работах Лев Гумилёв. Официальная наука до сих пор неохотно признаёт его труды и выводы. Но подобных случаев, когда некая оригинальная концепция не укладывается в официальные рамки, противоречия, или наоборот, даже дополняя существующую точку зрения, академической наукой воспринимается в штыки, весьма достаточно. Должно пройти много времени, что бы истинность нового взгляда всё-таки была доказана, и, главное, принята наукой.

К сожалению, труды Гумилёва до сих пор многие маститые учёные отвергают. Да и немудрено. Ведь он отталкивался не только от фактов или документов, а смело выдвинул собственную теорию развития человечества, где фигурируют некие абстрактные, нематериальные понятия, которые невозможно измерить приборами, пощупать руками или увидеть и прочитать.

Лев Гумилёв, доктор исторических и географических наук, в XX веке создал учение, где человек и даже народ, им рассматривались как биосоциальные категории.

Если следовать его гипотезе, то любое живое существо обладает биохимической энергией, в том числе и человек. Когда же её становится в организме с избытком, то у человека появляются способности к сверхнапряжению. Эту характеристику поведения Лев Николаевич назвал пассионарностью. А людей, у которых подобной энергии слишком много – пассионариями. Говоря иными словами, инстинкты самосохранения у них в силу неких причин подавляются, и именно это заставляет людей совершать подвиги. В своём последнем труде «От Руси к России: очерки этнической истории» он развил свою гипотезу о пассионаризме, там он пишет:

«Русские землепроходцы были людьми очень пассионарными – жестокими, инициативными, настойчивыми, и потому часто нарывались на неприятности с тогдашним начальством – воеводами. Сибирь манила „буйные головушки“ волей, а сибирских аборигенов, морозов и просторов они не боялись».³⁴

Как историк, Гумилёв ясно видел, что любые народы или цивилизации переживали три этапа: начало, подъём и расцвет, а потом неизбежный упадок.

Он доказывал, что в период от смерти Ивана III в 1505 году до начала царствования Михаила Романова в 1613 году, как раз был взлёт Руси, а потом последовало небольшое угасание пассионаризма русского народа.

³⁴ Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. /Послесл. С. Б. Лаврова. – М., 1992. – С. 260—261.

Смуты, потрясшие Русь на границе XVI – XVII веков, нанесли страшный урон русскому этносу. Но в начале века генофонд страны начал всё же восстанавливаться, и энергичные люди стали искать выход своей бурлившей энергии.

Гумилёв пишет:

«Русские пассионарии в 20-х годах XVII века не хотели ковыряться в земле, а стремились жить на границе, воевать, отстаивать православную или любые политические интересы – лишь бы найти применение своей избыточной энергии».³⁵

И тут, как нельзя более кстати, случился поход Ермака в Сибирь. И перед глазами неугомонных русичей открылись ошеломляющие перспективы, где можно было приложить свои усилия, выплеснуть свою неуёмную энергию. Государство не мешало этим инициаторам «клянявшимся» всё новыми и новыми землицами. А ведь эти «землицы» были таковыми, что в каждой из них свободно могло разместиться средневропейское королевство, не говоря уже о богатствах новых территорий. Эти первопроходцы двигались самостийно, на свой страх и риск объясачивали целые народы, приводили их под «высокую царскую руку».

Сибирский историк П. А. Словцов ещё в конце XIX века верно заметил, что:

«Сибирь есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества, результат порыва русского народа к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало... Способности русского народа, приобретшего целую страну и огромные богатства государству, таланты народа к самоустройству и общественному хозяйству выразились в новой (сибирской) стране при самых трудных обстоятельствах».³⁶

От государства же таким пассионарным личностям, как Ермак, Хабаров, Поярков, Атласов и другие, было нужно не так уж и много. Им всего лишь требовалась моральная поддержка правительства, а ещё они просили пищаля, свинец, порох.

К сожалению, ярко выраженные пассионарии не долго выступали на исторической сцене Руси. Пётр I доделал то, что не смог сделать Иван IV со своей опричниной и войнами, а позже поляки во время смуты. Будущий император уничтожил сначала стрельцов, как наиболее активную, пассионарную часть воинов и горожан, а потом реформатор принялся за деревни. Для воплощения его грандиозных замыслов требовалось всё больше и больше народа. В результате, за время его реформ страна понесла просто чудовищные людские потери.

Уже отходя от витрины, человек вдруг весело проговорил:

– А ведь поговорка: «Не мы такие, а жизнь такая!», полностью верна.

От звука его голоса притихли все экспонаты. Они с любопытством ждали продолжения его слов. Но в опустившейся, плотной тишине, были лишь слышны поскрипывающие под его ногами половицы. Человек продолжал свой обход. Немного разочарованные, вещи продолжили свои еженощные беседы, только в этот раз, наверное, уже обсуждая, что же он хотел сказать.

V глава

³⁵ Гумилев Л. Н. От Руси к России... – С. 260—261.

³⁶ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Изд-во. 1886 г. – Стр.280.

Дела торговые Сибири

Вокруг Ночного Директора по-прежнему царила полная, ватная тишина. Ему казалось, здесь всё замерло, словно чего-то ожидая. Но если внимательно вслушаться, напрячь слух, попытаться разорвать эту обволакивающую и умиротворяющую пелену беззвучия, то мир начинает наполняться тихими звуками. Кажется, дышит сам дом, предметы начинают еле слышно говорить, а откуда-то, из глубин залов, доносится до слуха шелест бумаг, звон металла. Не каждому дано это услышать, а тем более понять эти звуки из прошлого.

Человек подошёл к другой выставке, расположившейся в самом углу зала, но от этого не ставшей незаметной. Днём здесь всегда толпились любопытные посетители. Выставленные тут экспонаты вызывали неподдельный интерес не только у детворы, но и у взрослых. Что, впрочем, и неудивительно.

Он остановился около старых саней, в которые были накинаны шкуры песцов, лисиц, полярного волка. Сверху лежало старое ружьё. На полках стояли бутылки, коробки и коробочки, посуда и многое другое, то всё то, что могло заинтересовать продавцов и покупателей. На этих вещах делались состояния, из-за них проливались кровь и пот, из-за них шли на смертельный риск. Одним словом, эта выставка была посвящена сибирским делам торговым, в том числе и обдорским купцам.

Он погладил рукой тёплый мех убитого животного, и вспомнил как во время монтажа этой экспозиции, ему довелось ремонтировать эти, невесть откуда взявшиеся, сани. Как пришлось повозиться, разбираясь в их простейшей конструкции.

Человек присел на корточки около розвальней и провёл рукой по сухим деревянным ползьям резко загнутым вверх спереди, по раме и снова удивился, как и в первый раз, когда его заставили взяться за незнакомую работу, как это древним мастерам удалось изобрести такое простое средство передвижение – как эти розвальни. Вроде всё просто, и в то же время надёжно. И ведь они же прослужили в течение нескольких веков, сколько на подобных санях было перевезено людей и грузов, наезжено километров, и не счесть!

Подёргав верёвки, которыми была скреплена вся конструкция, Ночной Директор снова убедился, крепление надёжное, и, не удержавшись, воскликнул:

– Вот кому надо бы памятник поставить, так это безвестному изобретателю саней-розвальней. Ведь во многом благодаря ним Сибирь успешно осваивалась русскими.

Сани тихо скрипнули, словно бы соглашаясь с его мнением, а человек меж тем продолжил:

– Вот бы сейчас запрячь лошадь, и прокатиться на этих розвальнях по городу, как это было бы здорово. Приехать на рынок и начать с них продавать шкуры, рыбу, мясо. Чем там ещё торговали в прошлом веке? А ведь всего несколько десятков лет назад в Салехарде видом подобных саней было и не удивить.

Потом он вздохнул:

– Как многое изменилось. И главное, как быстро и безвозвратно. Сейчас попробуй, найди мастера чтоб изготовил это чудо техники прошлых веков.

Ярмарки на северо-восточных окраинах России имели особый характер. Здесь торговые люди меняли масло, кожи, сало, ткани, оружие и многое другое на продукты охотничьего, рыболовного и оленеводческого хозяйства аборигенов. Торговля расширялась, и благодаря этому вся страна покрывалась сетью больших и мелких рыночных центров, становившимися не только торговыми, но и культурными центрами, где шло активное взаимопроникновение различных культур. Этому процессу, установления хозяйственных связей между отдельными областями Русского государства, весьма способствовало то, что росли и крепились торговые связи

между Западной Европой и Востоком.³⁷ Ведь спрос иностранного капитала на русское сырьё со своей стороны вызвал усиленную скупку русскими купцами соответствующих продуктов, которые, затем, свозились в Нарву и Холмогоры для перепродажи иностранцам.

Особенно большую роль в этом деле сыграла сибирская пушнина, которая привлекала как восточных, так и западных негоциантов, поэтому со второй половины XVI века усиливается движение промышленников за Урал. Но что бы её получить, необходимо было завозить «значительное количество ремесленных изделий».³⁸

С приходом русских в Сибирь, началась деятельная торговля с местными племенами. Сначала, как это бывало во всём мире – в основном, частная. То есть на свой страх и риск, промышленные люди, как тогда называли охотников и искателей прибылей, отправлялись в этот край далёкий, куда можно было попасть летом только по рекам и пешком, а зимой пробивая санные дороги, затрачивая по несколько месяцев, чтобы завезти товары, пользующиеся здесь спросом. Конечно, подобные вояжи могли закончиться трагически, риск был весьма высок, но и будущая прибыль манила. Слухи, бродившие по стране, раздували возможные барыши до немыслимых размеров, и это как магнитом влекло в Сибирь искателей лёгкой наживы.

Действительно, торговля приносила неплохие доходы, отсюда вывозили меха, шкуры, рыбу и другой товар, пользующийся спросом на ярмарках страны и рынках Европы. А в Сибирь ввозили железо в слитках, олово, топоры, колокольчики, котлы сделанные из красной меди, бисер. В общем, каждый торговый человек торговал всем понемногу, что хоть как-то могло приносить прибыль. В основном это были товары русского производства, и лишь в небольших количествах иностранные, или как тогда говорили – «немецкие товары». Они покупались на Архангельской ярмарке, в отличие от отечественных, которые приобретались на местных торжках. Купцы здесь приобретали холсты, сермяжные сукна, кожевенные изделия и кожи, и это всё в громадных количествах, обозами отправлялось в Сибирь, где, в конечном счёте, превращались в пушнину.

До нашего времени дошли грамоты, которые свидетельствуют о вывозе ремесленных изделий в Сибирь. Например, в 1603 году торговый человек Докучайко Семёнов, ехавший «в сибирские города», просил разрешения: «взяти с собой железново товару: бочку ножей угорских, 24 сошника, 200 кос, 50 топоров, 100 ножей пермских».³⁹

Другие купцы били челом:

«Ехать де было им торговать на все сибирские города, а товару у них будет 300 укладов серпуховских, 100 кос, 500 сох железа, да 50 серпов, да 200 ножей чекриев, да 100 ножей тахилей угорских, да 100 топоров дровосечных, да 500 скоб судовых, а продавати де им топоры и ножи нашим служивым русском людям и пашенным крестьянам и ямским охотником».⁴⁰

Одинокий посетитель покачал головой. Он постоянно восхищался тем, как за сравнительно небольшой промежуток времени, этим неутомимым торговцам, удалось не только пройти эти края, где и дорог-то не было, а лишь одни направления и те весьма условные, дойти до самых восточных окраин Евразийского континента, и даже оказаться на соседнем континенте, между делом ещё успеть освоить морские пути, но, кроме всего этого, ещё и научиться торговать с окрестными народами. А ведь не все были миролюбиво настроены к пришельцам.

³⁷ Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла... – С. 46.

³⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла... – С. 47.

³⁹ Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла... – С. 47.

⁴⁰ Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла... – С. 48.

В исторической литературе нередко можно встретить мнение о так называемом «неэквивалентном», или попросту говоря «грабительском» характере средневековой сибирской торговли. Долгое время считалось, что она давала до трёхсот – четырёхсот процентов прибылей. На самом деле это были лишь отдельные примеры редких счастливых случаев, которым удавалось так хорошо заработать. Потом их удачу людская молва раздувала до невероятных размеров. При более детальном изучении сохранившихся документов хорошо видно, что на самом деле «лёгкой» прибыль купцов назвать трудно.

В середине XVII столетия годовая торговая прибыль у возвращающихся из-за Урала, составляла всего лишь около двадцати двух – двадцати пяти процентов. Здесь сказывались очень высокие накладные и организационные расходы, медленное обращение капитала.⁴¹ Необходимо вспомнить, что злоупотребления местных должностных лиц в те времена могли достигать просто невероятных размеров, и от них тоже приходилось откупаться. Естественно были и прочие, незапланированные траты. К тому же торговый караван мог быть просто-напросто разграблен аборигенами или своими же соотечественниками-разбойничками, и даже безвестно сгинуть где-нибудь в сибирской тайге, бескрайней тундре, или в штормовой реке.

Несмотря на все трудности в торговле, сибирские товары всё же заняли прочное место на русских ярмарках. А вместе с купцами появились и устойчивые, манящие слухи о богатейших сибирских землях. Это вызывало неподдельный интерес в кремлёвских палатах, а привозимые на ярмарки сибирские меха только разжигали непреодолимое желание тоже погреть на этом деле руки.

О доходах крупных купцов, ведших свои дела в низовьях Оби, можно косвенно судить по некоторым документам. Например, «Прибыльные дела воевод и таможенных голов». Так в 1627 году таможенный голова Михайлов в отчёте указал: «И собрал я, холоп, твоего государева десятинного сбору по мангазейской цене одиннадцать тысяч триста сорок три рубли, да денег сто тридцать пять рублей четыре деньги».⁴²

В подобном докладе, составленном в Казанском дворце, о сибирской службе посадского М. Левонтьева, указана сумма не менее впечатляющая:

«И всего на 134-и и во 135-м и во 136-м году прислано ко государю к Москве из Мангазеи десятые пошлыны збору головы Воина Михайлова двести пять сороков 25 соболей, 14 бобров, два кошлока, 3 череваи бобровые. Сибирская цена той мягкой рухляди десять тысяч триста двадцать рублей. Да по сибирской цене не цененных сто шестьдесят один сорок тридцать три пупка, сто восемьдесят восемь двадцать выимков собольих, московская цена тем пупкам собольим и выимкам тысяча двести девять рублей четырнадцать алтын три деньгою».⁴³

Естественно купчины собирали не меньше. Исходя только из этих цифр, нетрудно представить, какие суммы могли зарабатывать крупные торговцы.

Одними из самых богатых торговых людей в первой половине XVII века были братья Наум и Демид Глозовы. Они держали здесь приказчиков, которые скупали для них пушнину в Мангазее и окрестностях. Крупные торговые операции тут вели братья Гусельниковы. В 1630 году один из братьев – Василий, даже был включён в состав гостиной сотни Москвы. То есть, как бы сейчас сказали, Василий вошёл в сотню богатейших коммерсантов столицы. А среди купцов в Мангазее он занимал первое место. Здесь даже были представители царству-

⁴¹ Старцев А. В. Гончаров Ю. М. История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX в.): Уч. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999 г. – 157 с.; См.: Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943 г. – С. 26.

⁴² Акишин М. О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII. в. Новосибирск. Изд-во филиал Гео, 2000 г. – С. 278.

⁴³ Акишин М. О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов... – С. 285.

ющего дома Романовых. Например, ярославский купец Епифаний Светешников был торговым агентом нового царя, Михаила Романова, «по закупке для его обихода товаров».⁴⁴

Человек в полутёмном зале задумчиво погладил пахнущие порошком от моли шкуры. Перебирая мягкий, драгоценный ворс в пальцах, он думал, что по большому счёту именно купцы начали осваивать этот край. Но вот что странно, почему-то исследователи прошлого как-то неохотно отдают им почести. Чего уж говорить про лавры первооткрывателей и первопроходцев. А зря! Ведь вся мировая история учит, что лишь на одной силе оружия завоеванные народы не удержат. Нужно нечто большее, накрепко цементирующее связи народов между собой.

Возросший товарооборот вынудил царское правительство вплотную заняться этим краем. А усиливающиеся торговые связи между торговыми людьми и местными народами, привели к тому, что государство обратило пристальное внимание к этим взаимоотношениям, так как огромные доходы предприимчивых людей проходили мимо государственной казны. По законам того времени это считалось «воровством», то есть государственным преступлением. Кроме этого существовали и другие проблемы, которые препятствовали правильным отношениям между различными рынками страны. Поэтому правительству приходилось вмешиваться в эти дела. Например, в 1596 году была проведена очень важная реформа. Все большие перевозки, принадлежащие частым владельцам, были взяты в казну, иными словами, проведена национализация этого доходного бизнеса, установлены одинаковые размеры мыта, то есть налога, а сбор мыта поручался верным целовальникам, владельцы же перевозов получали в виде индемнизации в свою пользу половину дохода.⁴⁵

На северо-западе государства проблемы усугублялись ещё и тем, что чиновников, представлявших государственный аппарат, здесь практически не было, земли только-только начали осваиваться. Но узнав о положении дел в бассейне реки Таз, в кремлёвских палатах приняли решение о назначении туда своих представителей, которые должны были осуществлять контроль в низовьях Оби, и взимать ясак с местных народов.

Дело в том, что к тому времени русские промышленники уже поставили свои зимовья в устьях рек Пур и Таз, активно торговали с самоедами, остяками, юраками. Что особенно возмутило московских бояр, так это то, что многие из этих ушлых людишек нагло называли себя «царскими людьми», и, прикрываясь этим, собирали ясак, который шёл в их пользу. Чтобы пресечь эти беззакония в 1598 году туда был послан дьяк с целовальниками и стражей. Кроме этого он должен был осмотреть страну и объяснить инородцев.⁴⁶

Продолжая поглаживать лежащие на розвальнях шкурки, Ночной Директор неожиданно вспомнил время, когда только начинал изучать историю. Это слово – «ясак», встречалось практически в каждой книжке, где писалось о средневековой истории Сибири.

Он смешино сморщил нос, то ли от поднявшегося нафталина, от которого очень сильно захотелось чихнуть, то ли вспоминая свои ощущения, когда в первый раз это слово попало ему на глаза. Тогда слово «ясак» показалось весьма забавным, каким-то щекотливым.

А потом он досадовал, что нигде нет толкового объяснения ему. Почему-то авторы книг думали, все ныне живущие знают, что такое «ясак».

⁴⁴ Бахрушин С. В. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства. XV – XVII. Научные труды. Т.2. М., Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1954. – С. 228.

⁴⁵ Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 47.

⁴⁶ Житков Б. Естествознание и География. Журнал №5. 1903 г. // См.: Хронологический обзор... – С. 126.

При присоединении Сибири к Русскому государству, местное население в первую очередь облагалось налогом, они должны были уплачивать несколько шкурок соболя, или иных ценных зверей, в государеву казну. Этот своеобразный налог и назывался ясаком. А плативших – «ясашными». Зато каждый уплативший этот налог получал от правительства твёрдые гарантии защиты своей жизни и имущества. Никакой воевода по своему усмотрению не имел права казнить «ясашного инородца», при любом преступлении его дело рассматривалось в Москве. А там смертных приговоров аборигенам никогда не утверждали.

Даже более того. Из бумаг Берёзовской воеводской канцелярии видно, что каждому волостному князю, приезжавшему в Берёзов с ясаком, выдавалось по четыре аршина красного сукна, топору, ножу, пешне, и это не считая казённого корма и вина, которым его обязаны были угощать.⁴⁷

В 1611 году вышел наказ, в котором были подробные инструкции по сбору ясака. В первом же пункте особо отмечалось, что «Казну мягкой рухляди собирать с ясачных без оплошности; не присваивать себе шкур высокой цены и не давать сборщикам пользоваться от сборов, высылая на встречу им верных людей ко времени возвращения из волостей». Нельзя было получать жалование «мягкой рухлядью», как тогда называлась пушнина, а «всю сполна отправлять в Москву». Воеводы должны были встречать ясачных «не иначе как одетым в цветное платье, притом в окружении служащих прилично также одетых и вооруженных; объявить им в приказной избе жалованное царское слово, уверить их, что Великий Государь прислал новых воевод для охраны их покоя и животов от притеснения и корыстолюбия. Почему и посоветовать им сказать с откровенностью, не было ли им от сильных людей обид, тесноты, прижимок. Наконец повелевалось на казенный счет угостить приглашенных ясачных, накормить и напоить гораздо (или) как мочно». Представители государя должны были «Крепко смотреть, чтобы чернобурых лисиц и дорогих соболей никто и никому не смел продавать, усваивая их одной казне». А самих воевод строго предупреждали, чтобы даже не вздумали «корыстоваться из ясака или хлеба, ничего возбраняемого не закупать для себя, ни в городе, ни в уезде через своих родственников, служащих, или посторонних угодников, под опасением опалы».⁴⁸ Видимо, подобные прецеденты уже перестали быть редкостью.

Со временем одной из основных статей государственных доходов стала «десятая соболиная пошлина с соболиной и покупной пушнины». Естественно, что цена на эти шкурки на московских рынках была гораздо выше, чем в Сибири. И благосостояние страны стало всё больше зависеть от сибирского пушного промысла. Поэтому не удивительно, что, например, в 1745 году была назначена ревизия Сибири. Откомандированный сюда полковник Вульф должен был произвести «строгое и точное исследование о притеснениях и разорениях (особенно по сбору ясака), причинённых сибирскими властями местным жителям».⁴⁹

В начале XVII века самым главным источником добычи сибирской пушнины стала Мангазея. Её основание совершенно случайно совпало с тем, что в 1601 году в Московском царстве начался голод, который продлился до 1603 года.

В это время на Руси царствовал Борис Годунов. Он прилагал огромные усилия, что бы накормить народ. К тому же опричнина Ивана Грозного и его военные походы также порядком опустошили страну. Поэтому государева казна с трудом могла вынести возросшие нагрузки. Необходимо было где-то в срочном порядке искать ещё денег. Естественно, в такой ситуации московское правительство не могло пройти мимо нового, практически нетронутого источника доходов, каким в то время являлась Сибирь. И в эти вновь присоединённые земли стали

⁴⁷ Хронологический обзор... – С. 160.

⁴⁸ Хронологический обзор... – С. 131—132.

⁴⁹ Хронологический обзор... – С. 160.

отправляться вооружённые отряды, идущие вслед казакам и купцам, проторившими сюда дороги.

Человек, встал, прошёлся по залу, разминая затёкшие ноги. Торопиться было некуда, до утра оставалось ещё немало часов дежурства. Поэтому он сел в розвальни, представляя себя возничим, везущим драгоценную пушинку на рынок. И тут к нему снова пришли грустные мысли о том, что как всё-таки несправедливой бывает история к людям, особенно оставившим после себя значительный след в жизни страны. Кажется, их дела были полны только благих намерений, добрых побуждений, но почему-то потомки, да и собственные современники не удосуживаются оценить их по достоинству. В их неблагодарной памяти остаются лишь промахи и неудачи этих деятелей.

Поражаясь людской неблагодарности, Ночной Директор в полный голос спросил застывшую ночную тишину музея:

– Но почему так получается, что одним достаются все лавры победителей, а другим лишь забвение или даже проклятия. Хотя одни от других мало чем отличались.

Вопрос заглох в ватной тишине. Даже эха не было. На такие вопросы история не даёт ответов. Можно лишь строить предположения и гипотезы, ловить исчезающую истину, путаясь в фактах и догадках.

Здесь надо бы вспомнить, что у Ивана IV было три сына. Старшего он убил в припадке ярости, оставались Фёдор и семилетний Димитрий. После смерти царя руководителем страны стал Фёдор, хотя сам отец отзывался о нём несколько пренебрежительно, называя его «смирением обожженный», он не был способен управлять огромной страной. Поэтому над ним был назначен совет из пяти регентов, из которых, весьма скоро, фактическим правителем страны стал Борис Годунов. И это несмотря на то, что Иван Грозный недолюбливал боярина за его происхождение – Годунов вёл свой род от татарского мурзы Чета, принявшего крещение. Но, как говорится: «король умер, да здравствует король».

Но не все были довольны этими кремлёвскими перестановками. В первую же ночь после воцарения Фёдора, в Москве начался бунт. Его организатором и вдохновителем стал смутьян и сумасброд Богдан Бельский, который решил посадить на трон младшего брата молодого царя – Димитрия. Эта идея была безнадежна изначально. Во-первых, Иван IV чётко назначил своим преемником Фёдора, а во-вторых, с формальной точки зрения, Димитрий был незаконнорожденным, так как Православная церковь в те времена признавала только три брака, а мать младшего царского отпрыска Мария Нагая, была пятой венчанной женой царя. Бунт подавили, как обычно жестоко. Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород, то есть фактически в ссылку. Димитрия же с матерью, во избежание дальнейших недоразумений отправили с глаз долой, подальше, в Углич. Однако кроткий Фёдор сохранил с ними прекрасные отношения и, даже, периодически получал к своему столу пироги, испечённые самой Марией Нагой. Но случилось страшное, Димитрий случайно порезался ножом, к сожалению, у него была гемофилия, то есть несворачиваемость крови и мальчик истёк кровью. Есть версия, что его зарезали прищепники Годунова. Но проведённое расследование, показало, что это был несчастный случай, а Годунову эта смерть ребёнка была совершенно не нужна. Хотя...

В общем, правды уже не узнать, как бы ни бились историки.

Но Фёдор тоже недолго сидел на троне. После его смерти древняя династия Рюриковичей пресеклась, естественно началась борьба за власть, и на Земском соборе было решено, что лучшего царя, чем Годунов не найти. Но хитрый Борис отказался от этого лестного предложения, так как опасался большого влияния бояр на свою власть. Ведь получалось, что он, вольно или невольно, становился их выдвигенцем, а значит, должен был выполнять их требования и пожелания. Но тут, как нельзя более кстати, он вовремя вспомнил опыт Ивана Гроз-

ного, и стал ждать, пока простой народ, то есть жители Москвы вынудят боярство выбрать его на царство, но уже безо всяких условий. Так оно и случилось.

Когда Борис Годунов забрал бразды правления страной в свои руки, то пред ним остро встал вопрос, что делать с Сибирью? Иван IV так ничего толком и не решил, у него даже возникла идея, посадить на Сибирское царство своего человека и дать ему неограниченные полномочия. Эту идею поддерживало и часть бояр, тоже опасавшихся конфликтов с восточными соседями. А может быть у них самих были далеко идущие планы. Как знать...

Благоразумный Годунов отчётливо понимал, что такой сибирский правитель, как бы он ни был предан царю, со временем захочет ещё больше власти и самостоятельности. И тогда сепаратистские настроения могут привести к нежелательным последствиям, вплоть до отсоединения Сибири от метрополии.

Мало кто знает, что эту же идею, но уже гораздо позже, хотел претворить в жизнь Фёдор Алексеевич, брат будущего первого российского императора Петра I.

Как раз в годы царствования Годунова в Сибири стала утверждаться реальная власть московского двора. Именно при нём были основаны Туруханск, Омск, и знаменитая Мангазeya, быстро ставшая государевой вотчиной. Этот царь одним из первых понял, какие неисчислимы богатства хранятся в далёких землях. Пушнина в то время была самым дорогим и ходовым товаром, которым торговала Русь. И хотя дорогих мехов вывозили за границу очень много, Годунову страшно не везло. Голод усугубил ситуацию в стране, здравомыслящий государь, пытавшийся облегчить страдания народа и тем самым получить его благорасположение, приказал дёшево продавать хлеб, а бедным раздавать деньги. Но, несмотря на все его усилия, во всех невзгодах в итоге обвинили Годунова, приплюсовав сюда различные явления мистического толка. К тому же в Польше, давнего и «заклятого друга» Руси, неожиданно объявился некий Димитрий, объявивший себя наследником российского престола, якобы он был чудом спасшимся младшим сыном Иоанна IV. Польский король Сигизмунд III предоставил в его распоряжение четырёхтысячный отряд, и в октябре 1604 года поляки вступили в русские земли и направились к Москве. В этот, критический для всей страны момент, Борис Годунов внезапно умер. Произошло это в апреле 1605 года. К большому сожалению, его смерть повлекла за собой целую череду слухов, ведь правда о смерти царевича Димитрия ушла вместе с ним. И как потом показали дальнейшие события, на целые века смерть мальчика не давала покоя многим авантюристам. И даже историки до сих пор не пришли к одной точке зрения.

Исследователи прошлого уже давно подметили, что до Годунова ни один государственный деятель не тратил столько сил, чтобы заслужить благодарности своего народа. И в то же время нет ни одного греха, в котором бы тот же народ его не обвинял. Причём часто бездоказательно. Поэт Александр Пушкин весьма точно подметил, что от Бориса Годунова отвернулся собственный народ.

А ведь дальнейшее развитие событий показало, как прав был Годунов, когда опасался давать всю полноту власти сибирским воеводам. Уже в 1627 году правительство царя Михаила Романова вынуждены было предпринимать меры по ограничению власти местной администрации. Любой воевода в те времена был «и царь, и Бог», и людям негде было искать защиты от произвола воевод и его управленческого аппарата.

Сидевший на розвальнях человек грустно всматривался в тени, застывшие между витрин, залёгшие вдоль стен, беззвучно шелестевших о чём-то своём, тайном. Как будто они там, в глубине от любопытных глаз, хранили причины необъяснимых людских поступков.

А ведь если вычленишь основную идею, то получится страшноватое предположение. Чем ближе старался быть русский государь к народу, тем меньше его любил этот самый народ. И так на протяжении многовековой истории России. И ведь даже великие умы не были избавлены от этого странного явления.

*Он вновь покачал головой и, глядя в полусумрак зала, в полголоса снова спросил:
– Ну и скажите, на милость, где человеческая справедливость. Или хотя бы, в конце концов, историческая.*

Но экспонаты лишь молча усмехались, разглядывая наивного человека.

Тем временем над Русью продолжали сгущаться тучи! Через несколько лет после голода, в стране началась безудержная вакханалия. После смерти Годунова в белокаменных кремлёвских палатах на несколько лет засели поляки. Первый, так называемый Лжедмитрий, отдал пришедшей с ним шляхте на растерзание Россию. Не успели справиться с ним, как на трон попытался взгромоздиться второй Лжедмитрий. Боярская верхушка колебалась, переходя из одного лагеря в другой. Но для народа эти пертурбации ложились тяжёлым гнётом. Налоги взлетали, на дорогах и в городах банды поляков безнаказанно грабили. Народ нищал. Власть слабела.

Пока в центре России шли такие ужасающие разборки, на её окраине народ жил своим умом. Лишённые на какое-то время государственной поддержки, оставленные без надзора всевидящего и беспощадного «царского ока» поселенцы пытались выжить в новых для себя, непривычных и очень тяжёлых, условиях. И в то же время, с них никто, естественно, не снимал обязательств по наполнению доходной части царской казны. А наполнялась она в основном за счёт всё той же пушнины. Поэтому обозы отправлялись из Сибири аккуратно и по возможности вовремя. Можно представить себе удивление купцов и государевых людей когда, прибыв в стольный град после долгой отлучки, они видели нового человека на древнем московском престоле.

Не надо забывать, что голод, непомерно возросшие налоги, вынудили наиболее отчаянных и отчаявшихся уйти в леса, братья за кистень. Искать воли и лучшей доли на больших дорогах. Сколько было разграблено обозов, какие убытки потерпела царская казна и сами купцы, история умалчивает.

Странно, но факт, на самом деле государственная машина даже в эту эпоху, названную историками «смутным временем», исправно работала. В сибирских городах исправно сменялись воеводы, пополнялась казна и так далее, во всяком случае, видимость государственного управления Сибирью сохранялась. Но вот что удивительно, само государство долгое время к торговле в Сибири впрямую никакого отношения не имело. Скорее всего, не доверяя собственному неуклюжему чиновничьему аппарату, который смог бы подорвать платёжеспособность ясачного сибирского населения, бояре были вынуждены отказаться от организации казённого промысла. Да и просто в то время у них не было реальных возможностей.

А в это время страна всё больше погружалась во мрак анархии.

Поэтому настоящими хозяевами пушных рынков и угодий быстро становились предприимчивые, рискованные «торговые люди», то есть, говоря современным языком, предприниматели, которые занимались не только промыслами, но и торговлей.⁵⁰ Они должны были отдавать каждую десятую шкурку добытого соболя, с них собирали и другие многочисленные налоги.

Государство взяло на себя труд лишь по сбору ясака, этим занимались специальные государевы люди.

Одним из центров для сбора этого пушного налога стала Мангазея, основанная в 1601 году, и в своё время наделавшая немало шуму в судьбах человеческих, да и страны в целом. Впрочем. И в Европе знали об этом городке, затерянном в Сибири.

⁵⁰ Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. Изд-во Наука, Сибирское отделение. 1986 г. – С. 301.

А в ночном зале было по-прежнему тихо. Экспонаты тихо стояли на своих местах, и не мешали ночному посетителю рассуждать о хитросплетениях человеческой истории. Они-то доподлинно знали, что ничего нового пока люди не изобрели, просто они повторяют ошибки и эксперименты своих предшественников.

VI глава

Город-загадка Мангазея Златокипящая. РАСЦВЕТ и закат Государевой вотчины – спасительницы России

Ночные часы музейного дежурства неспешно шли своим чередом. Всё было как обычно, спокойно. Вот только экспонаты, казалось, где-то в других залах вели себя немного шумно. Они уже привыкли к одинокому человеку, который оставался здесь на ночь, и потому не обращали на него ни малейшего внимания. Но там, где он находился, вещи старались не шуметь, ведь кто его знает, что он может сделать, если увидит, какая она, настоящая ночная жизнь музея.

Поэтому, чтобы им не мешать, Ночной Директор, решил выйти на улицу покурить, благо погода стояла безветренная, только снежок тихо сыпал с чёрного неба, поблёскивая в свете фонарей, к ночи почему-то, немного потеплело, наверное, к метели. Он надел меховую безрукавку, всё-таки зима есть зима. Открывая дверной замок, весьма кстати вспомнилась популярная сибирская шутка, гласившая, что «сибиряк не тот кто холода не боится, а тот, кто тепло одевается». Усмехнувшись, он толкнул тяжёлую дверь и вышел на крыльцо. Вылетевший на улицу тёплый воздух моментально превратился в густой, молочный пар и осел на плечах и волосах лёгкой, седой изморозью. Морозец всё же ощущался.

Яркий огонёк зажигалки, на миг ослепивший глаза, вдруг заставил его вспомнить об одной, давным-давно разобранной выставке, но которая пользовалась неизменной популярностью у жителей и гостей города.

В низовьях Оби современным историкам известно всего несколько городков построенных русскими в средневековье. Самым северным из них была Мангазея. Её пушные богатства издавна привлекали взоры не только русских купцов, но и заморских негоциантов. Внезапно возникнув и также неожиданно исчезнув, городок стал местной легендой. И даже после его упразднения слухи о тамошней жизни ещё долго будоражили людское воображение.

В московских приказных избах могли лишь довольствоваться слухами и результатами редких военных экспедиций посылаемых по указу царей. Ситуация начала кардинально меняться после похода Ермака, и сразу же низовья Оби оказались под пристальным вниманием Казанского приказа, в ведении которого одно время находилась Сибирь.

Долгое время историки считали, что поселение Мангазея было основано в 1600 году, и это несмотря на то, что в ещё энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона было написано:

«Мангазея – урочище Енисейской губернии и округ в Туруханском крае, на правом берегу реки Таз. Мангазея первый русский город в восточной Сибири, основан в 1601 году. Вскоре он сделался значительным торговым городком и широко распространил свое влияние на приенисейскую страну».⁵¹

На самом деле русские люди здесь появились задолго до этих событий. Первые поселенцы на городище охотились на зверя, питались рыбою, которой было вдоволь в многочисленных окружающих водоемах, торговали на местном рынке. Эти люди быстро установили связи с местными народами.⁵² А их промысловые связи с самодийскими племенами уходят вглубь XVI века и были они разорваны лишь по вине местной администрации – вследствие своеволия, корысти и мздоимства мангазейских воевод.⁵³ К сожалению, об этом периоде из жизни

⁵¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (А) – С. 526.

⁵² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 35.

⁵³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 95.

городка известно немного. Ведь основной материал, который есть в руках исследователей – это данные археологических раскопок, летописи и немногочисленные документы.

Исследование истории Мангазеи началось XIX веке, большую работу проделали русские археографы. Их изыскания периодически публиковались в «Русской исторической библиотеке», таким образом, вводя в научный оборот большой массив документов, которыми исследователи пользуются до сих пор.⁵⁴ Современные исследователи также должны быть благодарны таможенникам, потому что дьяки таможенных дворов вели подробные записи. Например, последний этап в жизни Мангазеи очень слабо освещён документально, о нём можно судить лишь по таможенным книгам и сбору пошлин. В советскую эпоху эту работу продолжил С. В. Бахрушин, в своём научном труде: «Мангазейская мирская община в XVII в.». Интересовались Мангазеей и другие исследователи.

Новые сведения стали появляться, когда к изучению истории Мангазеи подключились археологи и этнографы.

Экспедиция Ленинградского Арктического Института Арктики под руководством археолога-этнографа В. Н. Чернецова в 1947 году исследовала этот памятник. Валерий Чернецов в интервью салехардской газете «Красный Север» объяснял цели и задачи своей экспедиции:

«Экспедиция рассчитана на ряд лет. В ее задачу входит сбор археологического, этнографического и фольклорного материала для выяснения ряда вопросов по истории древних и средних веков Нижнего Приобья. Вторая задача, стоящая перед экспедицией – сбор материала по началу русской колонизации и освоению края. Здесь наиболее важные сведения мы думаем получить от раскопа Мангазеи».⁵⁵

В конце шестидесятых – начале семидесятых годов место бывшего городка исследовала комплексная экспедиция организованная Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды с участием сотрудников Института археологии АН СССР, под руководством О. В. Старкова и М. И. Белова. В результате был опубликован двухтомный труд об истории Мангазеи.

Исследователи подтвердили предположение, что Мангазея возникла на месте поселений поморов возникших в последней четверти XVI века. В 1572 году на территории треугольника, образованного впадением небольшой речки Осетровки и реки Таз, появились первые постройки поморов, проникших в столь далёкий район по Мангазейскому морскому ходу, и из бассейна реки Оби по её правым притокам – Назыму и Казыму. На его месте впоследствии выросло городское поселение, со временем превратившееся в знаменитый торговый центр – Мангазею Златокипящую.

Кроме этого кропотливую работу провели экономисты и этнографы.⁵⁶

Учёные до сих пор так и не пришли к единому мнению о происхождении слова «Мангазея». Решение этой проблемы представляет собой значительный научный интерес, ибо оно проливает свет на историю племён, населявших в XVI – XVII веков низовья Енисея.⁵⁷

В XIX веке одним из первых попытался обобщить исследования Пётр Буцинский в своём исследовании «Мангазея. Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.)». Он приводит мнение князя М. А. Оболенского, что слово Мангазея перефразированное название «магазин», потому

⁵⁴ Русская историческая библиотека. Т. 2. С-Пб., в типографии бр. Пантелеевых, 1875 г. – 427 -1098 с.

⁵⁵ Красный Север, 1947 г., №17. – С. №2.

⁵⁶ Старцев А. В. Гончаров Ю. М. История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX в.): Уч. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999 г. – 157 с.; См.: Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943 г. – с. 17 – 24.

⁵⁷ Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943 г. – с. 16.

что берёзовские служилые люди построили в этом месте магазин, где выменивали провиант на пушнину. На самом деле слово «магазин» произошло лишь в XVIII веке и потому не могло лечь в основу названия городка. Далее он пишет, что «Миллер ближе подходит к истине».⁵⁸ Скорее всего, на этих территориях жил род самоедов называемый «Мокасе», которое со временем трансформировалось в название местности – Мангазея. Исследователь отмечает, что действительно, название происходит от самоедского рода, только этот род назывался «Мангазея». Еще в XVII веке он встречается в ясачных книгах Мангазейского уезда.⁵⁹

В XX столетии к этому вопросу снова вернулись, Н. И. Никитин высказал предположение, что русские называли этот район «Монголзеи», а это название в свою очередь происходит от коми-зырянского слова «молгон», что означает «крайний», «конечный» или «окраинный народ».⁶⁰ Им самим приходилось давать названия местностям, или приспособлять свой язык под незнакомые или плохо проговариваемые слова. А общаясь с русскими, это слово могло видоизмениться до современного «Мангазея».

Можно предположить, что обе версии имеют под собой основания. Когда коми-зыряне начали осваивать зауральские территории, то общались с аборигенами, следовательно, принимали у них местные названия земель. И вполне вероятно, что эти территории они называли по месту проживания некоего самоедского рода с самоназванием «мокасе», созвучным слову «молгон», которое в свою очередь русские изменили до «Мангазея».

Ещё один исследователь, Г. Д. Вербов, проанализировав все работы и собрав большой этнографический материал, пришел к мнению, что слово «Мангазея» произошло от названия одного из родов энцев, которые до революции были известны как «енисейские самоеды».⁶¹ В описываемый период эти территории населяли представители этого племени. Но в результате войны с ненцами им пришлось уйти.⁶² Г. Д. Вербов подчёркивает, что необходимо дальнейшая разработка этого вопроса, так как он представляет этнографический, лингвистический и исторический интерес при изучении истории самоедских племен.⁶³

В последние годы на знаменитом городище проводит работы археологическая экспедиция под руководством Г. П. Визгалова. Большую работу проводит архивист Е. В. Вершинин, обрабатывая отложившиеся документы в Российском архиве древних актов. Именно он обратил внимание, что некоторые документы, на которые ссылаются О. В. Старков и М. И. Белов он в архиве не нашел, а вот мимо многих важных документальных свидетельств они прошли мимо.

Современные исследователи отмечают, что особенность Мангазеи заключалась в том, что в отличие от других русских городов в Сибири, основой которых были поселения местных племен, например, Тобольска (Кучумово городище), Тюмени (городок Чимгин, Тура), Берёзово (остяцкий городок Сумгут Ваш), он стоял на месте русского поселения.⁶⁴

Хотя, если быть откровенным, то в истории Сибири есть «белые пятна», коих ещё много. Одна из главных проблем, которая стоит перед историками, это хронология. Ещё И. В. Щеглов в своём «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг.» писал:

⁵⁸ Буцинский П.Н «Мангазея. Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.) // Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. Т. 2. / под ред. Пархимовича С. Г., соавитель Мандрика Ю. Л. – Тюмень: изд-во Мандрика Ю., 1999 г., (приложение к журналу Лукич) – С. 7—9.

⁵⁹ Буцинский П. Н. Мангазея. Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.). – С. 8.

⁶⁰ Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке: Кн. для учащихся сред. и ст. классов. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с. С. 24.

⁶¹ Вербов Г. Д. О древней Мангазее... – С. 21.

⁶² Вербов Г. Д. О древней Мангазее... – С. 21 – 22.

⁶³ Вербов Г. Д. О древней Мангазее... – С. 22 – 23.

⁶⁴ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 31.

«Оказалось, что хронология Сибири принадлежит к запутаннейшим, как по отношению к древнему периоду ее, так и относительно времен более близких к нам...».⁶⁵

Но как бы там не было, исторически сложилось так, что русские промышленники, начиная с новгородских ушкуйников, начали осваивать Сибирь с северных районов, а не с южной стороны, хотя это и может показаться странным человеку, мало знакомому с местными условиями. Новгородцы отваживались заходить в отдаленнейшие места Сибири и благодаря этому получали уникальные сведения о местных условиях и тамошних жителях.⁶⁶

По данным учёного С. В. Бахрушина, ещё в XI веке Новгород, нуждаясь в пушнине для торговли с Готским «заморьем», овладел Печорским путём, который открывал ему дорогу «за Югру и Самоядь».⁶⁷ Новгородцы даже считали эти земли своими, но на самом деле их торговые связи были редкими, а северные князцы жили самостоятельно, больше подчиняясь татарам. Первые русские поселенцы охотились на зверя, торговали на местном рынке, быстро установив связи с местными народами. Пушнина с низовьев Оби и Турухана стала поступать на внутренние и внешние рынки, в то время как южные районы Сибири были по-прежнему недоступны.⁶⁸ Таким образом, примыкавший к Тазу район Мангазеи стал известен в России к семидесятым годам XVI века.

Сохранилась царская грамота от января 1600 года, из которой чётко видно, что русским людям давно уже был известен северный путь из Европы в Азию:

«Били нам челом пенежане и мезенцы, промышленные люди, чтоб нам их пожаловати, велели им ездити промышляти и торговати в Мунгазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисею».⁶⁹

И только после похода Ермака в Сибирь и военного поражения ханства Кучума, в Москве поняли, что пришла пора переходить к активным действиям. Но после похода Мансурова на помощь Ермаку стало очевидно, что Сибирью одним ударом не овладеть. Весь предыдущий опыт военных походов показывал, что даже армия не в состоянии удержать эти земли в полном повиновении. Поэтому перешли к иной, проверенной жизнью, тактике. Было решено закрепляться на новых землях строя городки-крепости, и используя эти форпосты продвигаться всё дальше на север и восток, преодолевая сопротивление местных народов и живших здесь татар. Окончательный разгром сибирского «царя» произошёл в августе 1598 года.

Изыскания историков и архивистов последних лет показывают, что официально московские воеводы не могли прийти в эти места ранее зимы 1601 года.

Дело в том, что царь Борис Годунов вручил «наказную память» первому воеводе, князю Мирону Шаховскому, именно в 1601 году. До нашего времени сохранились те её части, где речь шла о создании в устье реки Таз, в совершенно безлесной местности, острога или даже города. Вместе с ним, в далёкий край отправился Данило Хрипунов. Они должны были найти удобное место для строительства крепостцы. Но подготовка к далёкой экспедиции в силу ряда причин недопустимо затянулась. Долго и неторопливо собирались в Москве, поэтому они смогли выступить лишь в конце лета. Потом произошли задержки при снаряжении экспедиции в Тобольске. Таким образом, кочи вышли к пункту назначения лишь в начале осени.

Стремительно надвигалась осень, погода портилась. И тут несчастья начали всерьёз преследовать экспедиционеров. Не успели кочи выплыть из Оби в Обскую губу, штормом разбило

⁶⁵ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. – Сургут, 1993 г. – С. 459.

⁶⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 2. Изд-во Академии наук СССР. М., Л., 1937 г. – 301с.

⁶⁷ Старцев А. В. Гончаров Ю. М. История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX в.): Уч. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999 г. – 157 с.; См.: Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943 г. – С. 24.

⁶⁸ Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. – 24 с.

⁶⁹ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 127.

три коча и две коломенки, часть продуктов затонула или оказалась подмоченной. Пришлось остановиться у Пантуева городка. Где он расположен, ныне неизвестно, предположительно где-то на полуострове Ямал. Им пришлось послать казаков в Обдорск к остякам и самоедам за помощью, чтобы те отвезли их в Мангазею по сухопутному пути на оленях и отправили письмо царю с объяснениями, почему они так и не дошли до Мангазеи.

Когда пришли самоеды с оленями, экспедиция двинулась дальше. Но злключения отряда на этом не закончились. Внезапно на них напали мангазейские самоеды. Скорее всего, их подговорили торговые люди. Контроль со стороны властей им был совершенно не нужен.

«Убили тридцать человек казаков, а князь Мирон ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падучи на оленев душой да телом, а про Данила не ведают, ранен ли или не ранен. И посылал де с теми вестьми князя Василия Обдорского, но он на Березов не поехал: еду де и, как располитца вода».⁷⁰

Так описывал со слов очевидцев эти кровавые события берёзовский воевода. И тут же он предупреждал, что эти злодеи будут и дальше подговаривать самоедов сопротивляться строительству государева острога, потому что тогда они не смогут, как и прежде, торговать «заповедными» товарами. Из этого документа так же хорошо видно, что между аборигенами и промышленными людьми, которые успели наладить здесь свою торговлишку, контакты их были гораздо более тесными, чем это может показаться на первый взгляд.

Поэтому следующим воеводам был дан строгий наказ:

«Воров сыскивать, а сыскав отсылать их в Березов и Тобольск. А их имущество имать на государя царя, чтобы неповадно было впредь иным воровати и в том дальнем краю смуту чинить».⁷¹

В это время в Москве ещё не знали, что, несмотря на потери, из ста пятидесяти человек тридцать было убито, Шаховский и Хрипунов всё же достигли реки Таз и заняли один из построенных городков.⁷² Не получив никаких сведений о судьбе первой экспедиции, царь Борис Фёдорович всё же приказал подготовить вторую экспедицию под руководством Василия Кольцова-Масальского и Савлука Пушкина. Были учтены все ошибки предшественников, так что подготовка была более серьёзной. Экспедиция стала гораздо многочисленней, более трёхсот человек отправились осваивать новые земли. Их неплохо вооружили, отряд имел «одну пицаль скорострельную и 3 затинных пицали».⁷³ Воеводе в Верхотурье был дан указ приготовить «для мангазейского хода 15 кочей». В Ярославле и Вологде было закуплено всё необходимое для трудной дороги: канаты, бечёвки, холст для парусов и прочее. И главное, воеводы должны были прибыть в Верхотурье ещё зимним путем, чтобы с первой водой отправиться в Тобольск. В наказе особо отмечалось, чтобы воеводы нигде не задерживались и пришли в Мангазею до заморозков. А во избежание стычек с инородцами экспедиционеры должны были «рекою Обью и морем идти бережно, и ставиться в крепких местах бережно и осторожно на якорях, а у берега однолично не ставиться, и от погоды беречься, чтоб запасом и людем истери некоторые не было».⁷⁴

Задание тоже изменили. На этот раз воеводам достаточно было только заложить острог и провести тщательную разведку прилегающей местности. Они должны были узнать у местных торговцев «где лежит их дорога летняя и зимняя, где по ней становья и городки, дабы годные из них обратить в Государевы городки».⁷⁵ А также обследовать торговые городки на реке Таз,

⁷⁰ Миллер. Г. Ф. Указ. соч. – С. 395 – 396.

⁷¹ Миллер. Г. Ф. Указ. соч. – С. 395 – 396.

⁷² Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке: Кн. для учащихся сред. и ст. классов. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с. – 24 с. – С. 38.

⁷³ Хронологический обзор... – С. 127.

⁷⁴ Цит. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 2. Изд-во Академии наук СССР. М., Л., 1937 г. – 301с. – С. 396 – 397.

⁷⁵ Хронологический обзор... – С. 127.

слухи о которых достигли Казанского приказа, их нелегальная торговля тревожила московских дьяков. О кое-каких дорогах воеводам удалось узнать, и на них «от городка Обдорского» должны быть выставлены две заставы.⁷⁶

Заодно они должны были узнать об участии, постигшей первую экспедицию.

Но первопроходцы-воеводы уже даже начали строительство острожка.

Сохранились описания первоначальной Мангазеи, пока в 1619 году пожар не уничтожил значительную часть городка. Создание острога предусматривало, прежде всего, строительство служебных зданий: воеводского двора, съезжей избы, тюрьмы, церкви и караульного помещения. Само поселение состояло из двух частей: города, окруженного деревянными стенами, и посада, примыкавшего к городу.

Служилые люди селились за пределами острога в новых постройках или в тех, которые остались со времён поморского городка. Через три года ограду воеводского двора заменили острожной стеной. Тогда же были возведены городовые укрепления: стены и башни, была построена первая посадская церковь.⁷⁷

Но активнее всего строительство шло с 1607 года по 1629 год.⁷⁸ За это время были поставлены крепостные стены высотой около десяти метров. Построено пять крепостных башен, одна из которых – Спасская, взметнулась ввысь на 12 метров. Стройная, торжественная, увенчанная двуглавым орлом она парадно возвышалась над южной стеной города и была проезжей. Выделялась ещё одна башня – Давыдовская, она была срублена на самой высокой отметке крепостцы, над рекой Таз, из её «смотрельни» хорошо была видна вся ширь реки, важнейшее в стратегическом отношении пространство.⁷⁹ Остальные башни были различными по размеру, но объединялись общностью внешних форм и конструкций.⁸⁰ Со временем, на одной из башен, жители Мангазеи даже установили часы с курантами.⁸¹

За эти два десятилетия в городке было построено около двухсот домов, две церкви, гостиный двор с двадцатью торговыми лавками, хлебные, соляные и пороховой магазины, винный подвал, два питейных дома.

После пожара пришлось возводить новую крепость. Расположенная на самом высоком месте она господствовала над посадом, имела форму близкую к квадрату, со сторонами по семьдесят метров. В стенах были срублены четыре угловые и одна проездная башня.

Для защиты городка, содержался постоянный гарнизон из полсотни стрельцов, казаков и ссыльных черкес и, ежегодно присылавшихся из Берёзова, «годовальщиков». Были и пушки.

Посадская часть была застроена домами на высоких подклетьях с летними надстройками затейливых форм и богато украшенных резьбой и живописью. Выделялся большой дом воеводы Палицина. На посаде возвышались шатры часовни Василия Мангазейского и двух церквей – Успенской и Макария Желтоводского.⁸² И это неудивительно, в эти годы Мангазея, в социально-экономическом и административном отношении стояла в одном ряду с крупными городами Сибири – Тобольском и Тюменью. Но, в то же время, у неё оставались и свои особенные черты, придававшие ей характер северного городского поселения.⁸³

В этом районе были расположены амбары гостиного двора и дворы, принадлежащие служилым людям. В межсезонье там жило около десятка человек. А зимой собиралось до тысячи и больше.

⁷⁶ Хронологический обзор... – С. 127.

⁷⁷ Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. Стройиздат, 1978 г. – С. 109.

⁷⁸ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 31.

⁷⁹ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и Заполярные города-легенды. – С. 285.

⁸⁰ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.. Древний Обдорск и Заполярные города-легенды – С. 285.

⁸¹ Никитин. Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. – С. 68.

⁸² Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. – С. 109, 115—116.

⁸³ М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 31

После очередного пожара произошедшего в 1643 году, который уничтожил практически весь город, его несколько лет отстраивали всем миром.⁸⁴ Но, увы, новые постройки уже уступали по размерам и красоте сгоревшим.

Археологи установили, что площадь посада была около десяти тысяч квадратных метров, где до одной трети занимали нежилые постройки. На жилой площади были обнаружены остатки шестидесяти – семидесяти домов. Вероятно, их и не могло быть больше, так как исключая улицы, на двор приходилось около ста квадратных метров. Нетрудно подсчитать, если в доме жило шесть – восемь человек, то всё население Мангазеи едва насчитывало шестьсот душ. Многие служилые и промышленники жили здесь без семей, и, по всей видимости, селились на посаде. Но порой, в разгар «пушной лихорадки» здесь оставалось зимовать до тысячи человек, а в иные года и гораздо больше. Ещё в середине XVII века в Сибири сохранялась память о многочисленности русских людей в Мангазее:

«В прошлых де годех в Мангазее торговых и промышленных людей бывало много, человек по 1000 и по две и больше».⁸⁵ Люди здесь жили минимум по два года.

Можно сказать, что посад и город жили в какой-то мере обособленно, так как посад был своего рода перевалочной базой для тех, кто отправлялся на промысел или возвращался в Россию. Социальный состав жителей был неоднороден и делился на две группы: большая часть – это промышленные люди, а вторая часть – торговые. Надо отметить, что деление происходило не по сословному признаку, а по экономическому положению. Например, в числе торговых людей, в документах упоминаются крестьяне, и даже холопы.

В то время мангазейские воеводы ведали всеми тазовскими, нижнеенисейскими инородцами, которые уплачивали наложенный на них ясак пушшиной в самом городке.⁸⁶ Судя по всему многие мангазейцы, несмотря на все трудности, жили всё же весьма зажиточно и старались максимально полно наладить свой быт. Например, археологи нашли на месте таможенной избы чернильницу красивой формы, один из важнейших атрибутов деятельности таможенного чиновника, футляры для печатей к проезжим грамотам, и рифлёная линейка. Сохранилось также много бытовых предметов, характерных для богатого владельца – фрагменты рисованного штофа, изделия из бронзы, стрелка часов, шахматные фигуры, узорчатая тесьма, изящные ложки и миски, аккуратно сшитые рукавицы, скребки для очистки мездры от кожи, копылы от нартов и лыжи и даже архитектурные украшения – балясины.⁸⁷

Основа местной торговли состояла в обмене хлеба и других продуктов на меха, шкуры, рыбу. Здесь добывали соболей, лисиц, песцов и бобров. А так как место было выбрано удачно, один торговый путь шёл по Оби до Берёзова и Тобольска, а другой связывал Мангазейский край с европейской частью России, то торговля кипела. Связи местных купцов распространялись даже до европейских рынков.

Но основной целью, для чего и была основана Мангазея, получившая статус «государевой вотчины» это был сбор ясака, взимаемого с местных племён в пользу государевой казны:

«... со все мягкие рухляди имать на государя десятинную пошлину. От десяти соболей – десятый соболь, от десяти лисиц – десятую лисицу. От всякого зверя десятое, выбирая из всей мягкой рухляди лучшее». В «цареву казну» отбиралась только самая лучшая пушнина. Десятина собиралась также со всех продаваемых или меняемых товаров. Причём строго следили, чтобы «торговые люди» не торговали с аборигенами железными изделиями, оружием, вином и так далее, «и о том заказ учинить крепкой».⁸⁸

⁸⁴ Буцинский П. Н. Мангазея. Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.) – С. 63—65.

⁸⁵ Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. Изд-во Наука, Сибирское отделение. 1986 г. – С. 299.

⁸⁶ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С-Пб, Гипо-Литография Ефрона И. А. Т. XVIII (А) – С. 526.

⁸⁷ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 71.

⁸⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 2. Изд-во Академии наук СССР. М., Л., 1937 г. – 301с. – С. 403.

В противном случае воеводам надлежало применять наказания:

«... у кого будутъ заповедные товары, пансыри и шеломы и копя и сабли и топоры и ножи и иное какое железо или вино, и князю Василию и Савлуку те заповедные товары и вино велети у тех поимати на государя царя». ⁸⁹ А также подлежала конфискации «мирская всякая рухлядь». ⁹⁰

В царской грамоте новым мангазейским воеводам указывалось:

«Чтоб государевой казне было прибыльнее, а тамошним людям тягости не было, чтоб им жить в тишине и в покое. И самому князю, государевой ясачной казной не корытоваться и никакими товары не торговати, и у торговых и у всяких людей и у самоеди посулов не имати и насильства и обиды не чинити».

Никто тогда даже не догадывался, какие «тишина и покой» вскоре здесь воцарятся. Позже был издан наказ, в котором строго предписывалось:

«Казну мягкой рухляди собирать с ясачных без оплошности; не присваивать себе шкур высокой цены и не давать сборщикам пользоваться от сборов, высылая на встречу им верных людей ко времени возвращения из волостей. Не заменять жалования дачею рухляди, а всю сполна отсылать в Москву». ⁹¹

Ещё одной из забот мангазейских воевод была разведка земель лежащих к востоку от городка и приведение аборигенов под высокую государеву руку, заодно необходимо было собрать сведения о том, сколько инородцев здесь живёт. Ведь надо же знать, сколько ясака можно получить отсюда. А сколько ясачных жило в Мангазейском уезде было доподлинно не известно. Но воеводы резонно замечали, отписывая в Москву, что «в Мангазейском уезде люди кочевные и не сидящие, а живут, переходя с места на место и с реку на реку». ⁹²

Самым эффективным способом для сбора ясака в то время была система «аманатов», то есть воеводы брали в заложники самых знатных кочевников в роду, и потом требовали за них выкуп. Родственникам и соплеменникам не оставалось другого выхода, как выплачивать откупные. Ведь не имея места постоянного проживания, кочевники жили родами, и чем больше и знатнее был род, тем больше приходилось отдавать соболей и другого пушного зверя.

Условия содержания заложников были тяжёлыми, несмотря на то, что из Москвы присылали царские указы, в которых говорилось, что: «тех из аманатчиков в Мангазее начнут поити и кормити государевыми хлебными запасы во все дни довольно, и утеснения им в Мангазее не будет». ⁹³

На самом деле эти указы сплошь и рядом нарушались. Воеводы на местах не слишком озабочивались их содержанием. Тем более казённых денег на прокорм аманатчиков зачастую не выделялось, так что заложников приходилось содержать за свой счёт, вернее за счёт мирской общины. Впоследствии система аманатов тоже сыграла немаловажную роль в стремительном закате «государевой вотчины». Но здесь надо учесть, что и в самой Мангазее с продовольствием были большие проблемы и люди часто сидели впроголодь.

По всему Мангазейскому уезду были разбросаны зимовья, где и происходил обмен пушнины на заложников. Кроме этого они служили временным пристанищем для ясачных сборщиков, торговых и промысловых людей.

Зимовье, это самый древний тип русской постройки в Сибири. В простейшем виде это была маленькая изба, с плоской крышей, низкой дверью. Иногда дверь делали даже в кровле – это было удобно, так как не требовалось постоянно чистить снег у входа, и в то же время она

⁸⁹ Российская историческая библиотека. Т.2. С-Пб, 1872 г. – С. 1086.

⁹⁰ Российская историческая библиотека. – С. 1087.

⁹¹ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 131.

⁹² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 25.

⁹³ Вербов Г. Д. О древней Мангазее... – С. 17—24.

служила ещё и дымовой трубой. Подобных зимовий, возводившихся охотниками-промысловиками, было разбросано множество на заполярных просторах Сибири. Так, на карте 1745 года, составленной участниками Великой Северной экспедиции (1733 – 1743 годов) только в низовьях Енисея обозначено более шестидесяти подобных зимовий.⁹⁴

Но чаще всего зимовья строились с нагороднями, то есть сруб поднимался выше плоской крыши на метр. Получалось подобие стен, и зимовье становилось похоже на одиноко стоящую в тайге крепостную башню. Многие зимовья окружали тыном с бойницами, и тогда поселение приобретало вид небольшого острожка. Нередко из подобных зимовий в тайге позже вырастали города.⁹⁵

Аманатов держали в Мангазейской тюрьме, и когда сборщики отправлялись за ясаком, то брали их с собой и держали в подобных зимовьях до тех пор, пока не получали ясак, а затем снова привозили в Мангазею. Количество ясачных людей каждый год было разным, так как кочевники уходили далеко от этих мест, но чаще всего они просто не хотели платить ясак. Из-за этого происходили вооружённые стычки. Бывало и так, что, называясь «царскими людьми», ушлые людишки собирали ясак и исчезали с ним в неизвестном направлении. Царь гневался, воеводы злились, а аманатчикам приходилось снова платить, компенсируя эти недоимки. Когда в Москве узнали про эти проделки ушлых людишек, то вышел указ:

«... преж сего приходили к ним в Мангазею и в Енисею вымичи и пустозерцы, и многих государевых торговые люди и дань с них имали воровством на себя, а сказывали на государя, а в государеву казну не давали».⁹⁶ Чтобы уберечь инородцев от подобного насилия и притеснений, а также, чтобы не было убытка казне, решено было построить острог. Обиженным и притесненным даже было разрешено «бить челом», а уж царь всегда найдёт управу на посмевших ослушаться высочайшего указа.

Ни один сибирский город не мог сравниться по количеству добываемой здесь пушнины. Поэтому Мангазея и получила со временем название – «златокипящая». Только с 1630-го по 1637-й года отсюда было вывезено около полумиллиона соболиных шкур. То есть в разгар пушной лихорадки в Мангазейской земле добывалось до восьмидесяти процентов всей пушнины, промышляемой в Сибири.⁹⁷ Эти деньги надолго стали одним из основных источников дохода в царской казне. Помимо этого здесь сколачивались крупные частные капиталы.

Наиболее активные и предприимчивые крепостные крестьяне отпрашивались у своих хозяев и уезжали в этот край далёкий. Подобное покровительство, конечно, давало льготы, однако эта зависимость пагубно отражалась на их деятельности, лишая их свободы предпринимательства, полностью подчиняя произволу их господ. Например, так случилось у крестьянина Тимофея, жившего в Ярославском уезде и принадлежавшего князю А. Ф. Литвинову-Мосальскому. Прослышав о «златокипящей» Мангазее он «съехал для торга в Сибирь»⁹⁸

Князь Андрей обеспокоенный длительным отсутствием своего крестьянина, и вполне обоснованно подозревая его в побеге, в 1637 году он выхлопотал царскую грамоту о принудительном возвращении Тимофея. Его разыскали, но хитрый крестьянин заявил, что и «сам хочет жить за князем Андреем во крестьянах», и на следующий год был вынужден уехать в Россию. Но недаром он долгое время жил в Мангазее, делец вывез с собой мягкой рухляди на двести пятьдесят рублей. Этот эпизод, по-видимому, не отразился на его торговых делах, так как впоследствии, дело продолжил его сын, Иван.

⁹⁴ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и Заполярные города-легенды. – С. 59.

⁹⁵ Н. И. Никитин. Освоение Сибири в XVII веке.: Кн. Для учащихся сред. и ст. классов. – М.: Просвещение, 1990. – С. 66.

⁹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. – С. 398.

⁹⁷ Старцев А. В. Гончаров Ю. М. История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX в.): Уч. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999 г. – 157 с.; См.: Вербов Г. Д. О древней Мангазее... – С. 31.

⁹⁸ Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 131.

Кстати, сколько лет он там прожил доподлинно не известно. Можно предположить, что отправился он в путь не ранее 1613 года, так как отправился на промыслы уже при царе Михаиле Фёдоровиче, то есть во времена расцвета этой «царёвой вотчины», сам же Тимофей говорил, что «сколько тому лет, как съехал в Сибирь и живет в Мангазее, того не упомянуть».⁹⁹

Были и другие примеры зависимости. Сохранилась любопытная челобитная, которую в 1631 году в Мангазее подал гулящий человек Иван Яковлевич Брагин на торгового человека С. Т. Шатеева. Дело в том, что Брагин пошёл в работы к купцу, и даже подписал необходимую бумагу: «наемную запись на себя дал, а, живучи у него, всякая работа робити и во всем его слушать». Но Шатееву этого было мало, и он назвал Ивана своим племянником, и, как далее жалуется Брагин: «и велел мне в свое место к мирским выборам руку прикладывать, а себя он велел мне дядею, и я, бояся его... к мирским выборам... по его велению, руку прикладывал... А он, Семен, мне, Ивашку, не дядя, и я ему не племянник, и ни в роду, ни в племени». Таким образом Шатеев не только экономически подчинил себе «гулящего» человека, но и на «мирских выборах» заставлял голосовать как ему было выгодно.

Но даже настоящие племянники зачастую находились в полной зависимости от своих родственников, несмотря на то, что были полноправными заместителями своих дядёв. А дядья, в свою очередь, пользуясь их незавидным положением, эксплуатировали их самым бесстыдным образом, даже не всегда оплачивая их труды.¹⁰⁰

Но были, конечно же, и счастливые примеры, когда человеку удавалось сколотить капитал. Естественно, это было не просто, в этом случае не только трудолюбие играло свою роль, но и везение, или как говорят: «Его величество случай».

В истории Мангазеи оставил свой след некий Надея Андреевич Светешников, крещёное имя – Епифаний, из Ярославля. Он принадлежал к той группе зажиточной посадской верхушки, которая, сильно пострадав от расстройства экономической жизни страны, вызванного интервенцией начала XVII века, приняла самое деятельное участие в ликвидации последствий так называемой «смуты». И потому горячо приветствовала, а затем и широко использовала в своих интересах реставрацию 1613 года, когда на древний Российский престол был избран Романов. Подпись Светешникова есть среди подписей других видных ярославцев, которые они оставили под посланием князя Дмитрия Пожарского, разосланное по русским городам с призывом к борьбе против польской интервенции. Епифаний Андреевич сумел воспользоваться выпавшим шансом, он стал торговым агентом нового царя по закупке для его «обихода» товаров, особенно иностранных.¹⁰¹ Пожалованный в гости, то есть в купцы, он стал появляться при дворе у отца царя, патриарха Филарета. Поэтому, как близкий к высшим сферам человек, он использовал эту возможность, и стал пользоваться в своих торговых предприятиях особым покровительством. Дело дошло даже до того, что его приказчик, служивший в Мангазее, прямо в лицо говорил воеводе Г. И. Кокореву, что «ему, Григорию, Надеиных прикащиков и людей не ведати ни в чем и не судити и к себе не призывати».¹⁰² Дело в том, что когда Светешников узнал о назначении Кокорева в Мангазею, а они были соседями по имению, и, судя по всему, отношения у них были весьма натянутыми, у них были какие-то нелады, он тотчас добился изъятия из подсудности Кокореву своих людей, находившихся здесь «за соболиными промыслами». Кроме этого, заручился специальным поручением для второго воеводы А. Ф. Палицына, в котором младшему воеводе было велено людей Светешникова: «от Григория Кокорева и от сторонних людей во всех мерах оберегать».¹⁰³

⁹⁹ Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 131.

¹⁰⁰ Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 136.

¹⁰¹ Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 228.

¹⁰² Цит. по: Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 228.

¹⁰³ Цит. по: Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 228.

Что уж говорить о том, что все ходатайства влиятельного гостя в различных приказах, разрешались с исключительной быстротой. Например, 7 января 1640 года он бил челом в Сибирский приказ, с просьбой привлечь к ответственности енисейского служилого человека Ивана Галкина, ограбившего его «животы» в Сибири. В тот же день начальник приказа доложил его прошению царю, и, само собой разумеется, иск был удовлетворён. Такие привилегии Светешников получил, конечно же, не за свои заслуги во времена «смуты», а своим богатством и размерами торговых операций. Для государства, ещё толком не оправившегося от «разорения» этот «гость» был крайне ценным плательщиком, пополнявшим опустевшую казну. Светешников это отлично осознавал, поэтому недаром хвалился в одной из челобитных на имя царя:

«А идет в твою государеву казну с меня, холопа твоего, пошлина немалая». ¹⁰⁴

Кстати, о подчинении. Иногда отношения между хозяином и холопом могли складываться весьма обоюдовыгодно. У того же Стрешнева в Мангазее был «торговый человек» Лёвка Дмитриев Петелин, который определял свой торговый баланс таким образом:

«...с моего торжишку в русских и сибирских городех на год... десятой пошлины и проездей и порублевой и печатной тебе, государю, в твою государьску казну с меня Левки, сойдет рублев по 50 и больши». ¹⁰⁵

Но это были лишь редкие примеры удачливости.

На самом деле основная масса промысловых людей не только не имела своих денег, но часто даже не могла приобрести себе промышленную снасть. Поэтому новые сибиряки нанимались к купцам, или сами объединялись в небольшие артели. Иногда, на свой страх и риск промышленляли в одиночку. Некоторые из них так и не смогли выпутаться из долгов. Но, несмотря на все трудности жизни, промысла и торговли, Мангазея манила к себе, всем хотелось поймать за хвост свою синюю птицу удачи, и заработать на дальнейшее безбедное существование.

Поэтому в первые десятилетия через мангазейскую таможенную проходило до двух с половиной тысяч человек в год. И это только официальные цифры. Сколько на самом деле было добыто, то никому не ведомо, некоторые ловкие промысловики старались обойти немногочисленные сибирские таможи, чтобы не платить причитающийся налог.

Расширение торговли привело к тому, что в Мангазее стала ежегодно проводиться ярмарка, весть о которой разлетелась далеко за пределы уезда. Поэтому вся торгово-промышленная деятельность мангазейского купечества находилась под пристальным вниманием Казанского приказа.

Кроме сбора многочисленных налогов были и другие источники доходов, которых хватало, чтобы местной администрации покрыть свои расходы. Ведь государство не давало ни копейки на содержание своих людей. Зато в бюджет отсюда поступало до тридцати тысяч рублей в год, то есть практически каждый четвёртый рубль, который поступал в царёву казну, был, так или иначе, связан с мангазейскими промыслами.

Хорошие прибыли приносила торговля вином и мёдом, которые продавали доверенные лица предприимчивых граждан, а выручку потом отправляли своим хозяевам в Тобольск. Несколько лет эта торговля была вольной, и ею занимались все, вплоть до воевод. Пока в 1620 году тобольский воевода Куракин не обратил внимания московских дьяков на этот источник прибылей предприимчивых мангазейцев:

«Сказывали служилые люди, которые бывали в Мангазее, что Иван Биркин посылал в Турухан на продажу свое вино и мед и взял за то вино и мед больше восьми тысяч рублей.

¹⁰⁴ Цит. по: Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 228.

¹⁰⁵ Цит. по: Бахрушин С. В. Статьи по экономической... – С. 124.

Да и прежние воеводы тем же корыстовались, и торговые и всякие люди меж себя вино и мед продают».¹⁰⁶

Как впоследствии выяснилось, основателем игорного и питьевого двора был присланный из Тобольска торговый человек Никита Чаплин. После приезда в Мангазею он принял у воевод Погожева и Танеева «под кабацкие запасы новую избу и амбар». Кроме того, они передали Чаплину ещё одну «избу с сениями для того, что в одной избе государевы кабацкие запасы и ему, Никите, со служилыми людьми жить и питухом государева питья пить за теснотою не мочно».¹⁰⁷

В Москве эти известия обеспокоили тем, что на горячительные напитки менялись ценные шкурки. Да и вырученные суммы тоже впечатляли.

В Кремлёвских палатах быстро нашли выход. Воеводе было велено отправить подьячего и с ним «200 ведер вина горячего и 100 пудов меду».¹⁰⁸ А мангазейский воевода должен был дать избу и амбар для торговли этими напитками.

Поэтому в Мангазее была введена государственная монополия на продажу алкоголя. К тому же продавать веселящие напитки промысловикам и купцам разрешалось лишь после уплаты ими всех пошлин, а инородцам – ясака. А служилым людям «ни вина ни меду продавать не велено, чтоб они не пропились». За нарушение этого приказа было велено отбирать питьё в государеву казну, штрафовать и наказывать.

Это введение и без того осложнило непростую жизнь купцов. В своих челобитных они писали, что им на промыслах «без зайцев и меду никак нельзя» потому что они заболевают цингой. В конце концов, им разрешили ввозить пресный мёд, но, естественно, с уплатой пошлины в государеву казну.¹⁰⁹

Как известно, где водка, там недалеко и до игры на деньги. Здесь процветала, несмотря на многочисленные запреты, игра в кости – «зернь». Запрещения ни к чему не приводили, а чтобы доходы не уходили «налево», в съезжей избе было принято мудрое решение, сдавать на откуп кабак и зерновой двор, а также баню. Для этого из Тобольска приезжал откупщик, отчитывающийся непосредственно перед тобольским воеводой.

Судя по размерам пошлины, игра в зернь приобрела исключительно большие размеры. Так в 1638 году с игроков было намечено взять одной пошлины более шестидесяти рублей. А с квасного и пивного годового откупа, с откупщиков, было получено более шестидесяти рублей.

Но не только одной торговлей была знаменита Мангазея. Вместе с потоком купцов и охотников сюда ехали и мастера-люди. Археологи нашли несколько плавильных мастерских, где ремесленники изготавливали и ремонтировали дефицитные металлические орудия охоты и домашнего обихода, выплавляли медно-никелевую руду, привозимую с Норильских гор. Местные ремесленники занимались резьбой по кости и по дереву.¹¹⁰

Кроме этого Мангазея на долгое время стала форпостом Руси на её восточных рубежах, отсюда происходило дальнейшее освоение северо-восточных земель Сибири. Из этого легендарного городка уходили бесстрашные исследователи неведомых земель.

Русские мореходы, плавая в северных бурных водах, приобрели бесценный опыт, который очень пригодился в дальнейшем освоении прибрежных территорий. Наиболее выдающийся морской поход в Берингов пролив совершил в 1638 году казак Семён Дежнёв «со товарищи». Из Мангазеи начал свой поход Хабаров.

¹⁰⁶ Цит. по: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 35—36.

¹⁰⁷ Цит. по: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 73

¹⁰⁸ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 36

¹⁰⁹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – С. 37

¹¹⁰ М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Мангазейский морской ход... – С. 47

Когда на улице нет сильного мороза, то ночью на севере очень хорошо! Ярко блестят звёзды в чёрном небе, кажется, что действительно это серебряные гвозди, вбитые в бесконечную крышу мироздания. Свет от фонарей иглами бьёт вверх и растворяется в вышине. Дышится легко. Даже скрип снега под ногами припозднившихся прохожих уже не раздражает, а лишь подчёркивает тишину.

Ночной Директор стоял на крыльце музея и спокойно курил, пуская сигаретный дым вверх, к промёрзшему небу. Дежурство шло своим ходом, всё было спокойно, и потому мысли текли неторопливо. Поэтому можно было отдаться на волю чувств, не обращать внимания на окружающую действительность, которая мешала сосредоточиться, и действительно понять, что же произошло там, на реке Таз в XVII веке. Почему так стремительно и внезапно был ликвидирован городок Мангазея, почему так быстро его покинули люди?

Есть какая-то загадка, которая манит к себе, не даёт многим спокойно жить вот уже на протяжении нескольких веков. Наверное, поэтому исследователи вновь и вновь возвращаются к истории Мангазеи Златокипящей, бывшей «государевой вотчины».

Началом конца заполярного городка можно считать 1619 год, хотя экономический расцвет наступил спустя лишь несколько лет, а сам городок существовал ещё не одно десятилетие. Но именно этот год стал воистину несчастливым для мангазейцев – во-первых, от пожара выгорела значительная часть построек.

Но злому року этого было мало, суровая судьбина продолжала испытывать мангазейцев на прочность. Не хватало людям природных катаклизмов, так к делу подключилась родная власть. Именно в этот злополучный год в Москве вышел указ запрещающий пользоваться морским ходом. В кремлёвских палатах испугались, что вслед за русскими про этот путь прознают иностранцы, тоже активно ищущих дороги в богатые мехами края. В то время в Сибири сухопутных дорог практически не было, поэтому приходилось пользоваться исключительно водными путями. А так как Мангазея была «непашенным» городом, то есть продовольствие доставлялось по воде, то его судьба во многом зависела от погоды на речных и морских просторах. Зато этот запрет дал толчок развитию другого полярного поселения – Обдорску.

Куривший человек поёжился, но не спешил заходить в тепло музея. Он ещё раз подумал, как всё же хитро в истории переплетены меж собой разные события. Вот кажется, Мангазея, Обдорск и Москва. Отделены друг от друга на тысячи вёрст, а на самом деле связи настолько тесные, что и не разорвать. Если с Москвой всё более-менее ясно, всё-таки столица государства, то с этими двумя городками взаимосвязь прослеживается не так ясно. А ведь именно в Обдорске должны были организовать таможенный пост, контролирующей дорогу в «златокипящую».

Другая дорога, связывавшая Мангазею с Русью, шла по Оби. Но оба пути таили в себе немало опасностей. Особенно навигация осложнилась в середине XVII века, когда в Арктике наступило похолодание, так называемый «малый ледниковый период». Доходило даже до того, что с 1641-го по 1644-й год в город не пришло ни одного коча с припасами, все они были разбиты бурями в Обской губе, и в Мангазее наступил голод.

Ночной Директор продолжал стоять около музейного крыльца, выдыхая струйку сигаретного дыма в чуть морозный воздух. Наблюдая за падающими, сверкающими в свете фонарей снежинками ему не хотелось думать, что и в этом мире иногда так бывает, вот мелькнёт что-то, ослепит ярким лучом и исчезнет в непроглядной темноте, сгинет безвозвратно в прошлом.

Как это похоже на историю Мангазеи, государевой вотчины, прозванной «златокипящей»! Так стремительно появиться на мировой сцене и так же мгновенно исчезнуть!

Конечно же, это вызвало череду слухов, легенд. Ведь этот заполярный городок даже сравнивали с легендарным Китеж-градом, который ушёл под озёрную воду. Но за эти семьдесят лет существования, люди, жившие в нём, смогли оставить глубочайший след в истории всего края, да что там края, страны в целом!

Неожиданно он вспомнил, как, проходя мимо выставки посвящённой истории освоения Сибири, светлым днём или неторопливой ночью, но всякий раз бросая мимолётные взгляды на сани-розвальни, он не переставал удивляться как просто, но в тоже время надёжно они устроены. И тут же ловил себя на мысли, что ведь не только благодаря им была освоена Сибирь.

Действительно. А как же быть летом?

Идти пешком по таёжным буреломам, или проваливаться в болотистую тундру? К тому же на своих двоих много вещей не унесёшь. Но ведь вся Сибирь буквально изрезана реками и речушками, достаточно взглянуть на карту. И каких только водных артерий не увидишь. Здесь и многоводные Обь, Иртыш, Енисей, Лена. И сотни безвестных речушек, буквально изрезавших всю Сибирскую низменность. Отчего она становится похожа на руки хорошо поработавшего, пожилого человека, которые буквально испещрены синими венами. К тому же на реке летом не так дожимают гнус и мошкара, эти вечные бичи Севера, как метко назвал этих кровососущих тварей один исследователь.

В письмах воевод часто упоминается слово «коч». Так называли свои грузовые суда новгородцы-ушкуйники. Именно на этих кочах, по рекам, минуя тысячи километров сибирских таёжных бездорожий, люди добирались до назначенного места, завозя необходимые грузы и товары. Кочи настолько были приспособлены к условиям плавания в беспокойных северных водах, что на них смело выходили в Карское море, ходили до Новой Земли, не боясь ни штормов, ни льдов, в которых, кстати сказать, погиб не один иностранный корабль, отважившиеся пройти Северным морским путём.

А вот русский мореход Семён Дежнёв на больших кочах бесстрашно отправился в путешествие, и тем обессмертил своё имя. И, что самое главное, благополучно вернулся домой.

Коч, это деревянное судно, приспособленное плавать как по рекам, так и по морю. Поморские корабли даже научились строить их так, что кочи не боялись вмёрзнуть в лёд. Округлые обводы корпуса предотвращали раздавливание тяжёлыми подвижными льдами, как это иногда происходило с европейскими кораблями, застигнутыми ледоставом. Именно благодаря таким оригинальным обводам льды не сжимали деревянные борта коча, а просто-напросто выталкивали его наверх. Видимо новгородцы не один десяток лет набирались опыта, пока не нашли наиболее оптимальный вариант. Кочи получили широкое распространение в XIV веке, вытеснив новгородские лады, которые строили ещё в XI веке новгородцы.

Это ещё раз доказывало, что русские корабли ни в чём не уступали своим коллегам из Европы, а во многом даже их обошли.

Например, новгородцы задолго до европейцев, стали оснащать свои лады двумя прямыми и одним косым парусом, что позволяло ходить против ветра. Например, в Англии, одно время даже считавшейся «владычицей морей», научились так лавировать лишь в XVI веке. Кстати, даже прославленные каравеллы Колумба не могли ходить против ветра.

На кочах таких парусов не ставили, хватало одной мачты. В безветренную погоду команда садилась за вёсла. Зато это было первое русское судно, где вместо рулевого весла поставили руль. За сутки, при попутном ветре, коч мог пройти до двухсот пятидесяти километров. Первые кочи были беспалубными, скорее это были большие лодки, длина их не превышала девятнадцати метров, в ширину были около четырёх метров, а осадка менее метра. Но зато груза могли взять до двухсот пятидесяти пудов, то есть около четырёх тонн.

К XVII веку научились строить большие кочи, ведь путешествия становились всё длиннее, груза требовалось перевозить всё больше. К тому же северные морские воды предъявляли свои жёсткие требования, не прощая ошибок корабелов и мореходов. Поэтому на коче стали сооружать палубу. В длину они уже были более двадцати метров, а в ширину около шести метров. На них можно было грузить до четырёхсот тонн! Вмещалось более пятидесяти человек. Несмотря на большие размеры, кочи всё же можно было перетаскивать через волоки между рек, что весьма сокращало расстояния и риск, так как не надо было выходить в открытое море.

Как-то незаметно, но среди специалистов утвердилось мнение, что промышленники, идущие «чрезкаменным» путём, то есть, перебираясь через Уральские горы, оставляли свои кочи на Печоре. Далее же они двигались на более мелких судах, так называемых обласах, набойных лодках. На самом же деле, как бы нам сейчас это ни казалось невероятным, кочи умудрялись перетаскивать и через перевалы этих древних гор.

Кочи сыграли важнейшую роль в освоении сибирских земель. Во многом благодаря этим неприхотливым судёнышкам снабжалась Мангазея, укреплялся Обдорск.

В тишине ночного музея, если внимательно прислушаться, всегда есть какие-то звуки. Это живёт дом, собранные в нём вещи, гуляют незаметные сквознячки, гудят лампы. Да много чего можно придумать для собственного успокоения. Объяснить обычными природными явлениями, обыденными вещами. Но иногда, если сосредоточиться, то можно услышать голос истории.

Ночной Директор ещё раз пожалел, что в музее пока нет хотя бы макета коча, но и так легко было себе представить, как тяжёлая обская вода ударяла в деревянные борта судна, как скрипели канаты, удерживающие паруса и мачту, услышать скрип уключин, голоса команды. Эти звуки сопровождали путешественников долгие месяцы. Ведь бывало, что торговая экспедиция могла растянуться на год, а то и более. Никто не был застрахован от незапланированной зимовки. Но люди всё равно упорно уходили в опасное плавание. И как ни странно, возвращались домой, в отличие от прославленных европейских мореходов.

Он думал, что же случилось, где причины того, что количество кораблекрушений так резко возросло? Такие надёжные, проверенные веками, многочисленными штормами и беспощадными льдами кочи вдруг стали бесславно тонуть. Неужели только из-за запрещения плавания по Северному морскому пути?

– Вряд ли всё было так просто, – отвечая собственным мыслям, проговорил человек вслух. – Есть всегда несколько причин. Надо только хорошо поискать.

А снег всё продолжал падать, покрывая площадь чистым покрывалом.

Исследователи выдвигают несколько причин.

В первую очередь, на казённых кочах не было опытных кормщиков. Сохранилось объяснение мангазейского стрельца Василия Петрова, сопровождающего государственные морские караваны с хлебом и выжившего после кораблекрушения. Отвечая на вопросы в Сибирском приказе, где выяснялись причины гибели каравана, бесстрашный стрелец, невзирая на лица и должности, точно указал причины:

«В Тобольске знатцов, кто б водяной путь старой дороги из Мангазеи на Карскую губу и большим морем к Архангельскому городу и на Пустоозеро подлинно знал, нет, а расспросить некого...

...Потому, что на твоих государевых кочах кормщики и знатцы служивые люди, и в морском ходу не были. А как бы кормщики, которые море знали были, и твои государевы кочи можно было уберечь».¹¹¹

¹¹¹ Цит. по: Вершинин Е. В. Дошанник и коч. Исследования//Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье.

Говоря другими словами, повторилась ситуация с иностранцами, которые искали пути в сибирские реки, но не зная дорог, погодных условий, не обладая приспособленными судами для плавания по северным рекам и морям терпели фиаско, в то время как русские отлично ориентировались в окружающей обстановке. К сожалению, запрет ходить морем сыграл свою отрицательную роль, и навыки и опыт, которые передавались из поколения в поколение, были утеряны.

Это уже было обвинение в адрес, так сказать, руководящих работников. Но стрелец на этом не остановился, продолжая называть объективные причины, хотя дьякам это явно не понравилось. Петров рассказывал, что в Тобольске грузы надо было зачем-то выгружать, взвешивать, а потом снова грузить на кочи. Эта бюрократия могла занять до трёх недель, и из-за этого караваны отправлялись с сильной задержкой, зачастую попадая в осенние штормы.

Во-вторых, казённые кочи начали строить хуже, чем на «торговую руку», то есть для купцов. К тому же в Тюмени начали строить суда больших размеров, для повышения грузоподъёмности. Но эта «экономия» привела к нарушению проверенных временем технологий, а это в свою очередь привело к тому, что стало трудно управлять судном, потому резко возростал риск кораблекрушения. К тому же и дерево для постройки использовалось неважного качества.

Начали гибнуть даже кочи с соболиной «царёвой казной», а это уже всерьёз озаботило государственных мужей. Хотя, на самом деле, эти судёнышки, по современным представлениям вообще не могли плавать по суровым северным рекам, а уж тем более по морям. Трудно себе представить, как они могли вообще могли ходить по «ледовитому окиану».

Конец походам казённых караванов по рекам в Мангазею положил тобольский воевода П. И. Галицын. Благодаря предпринятым им мерам, хлебные караваны в 1667 – 1668 годах всё же избежали крушений, но он сам воочию убедился в ненадёжности и опасности плавания по Обской губе. На свой страх и риск Галицын отписал Енисейскому воеводе:

«А в нынешнем году по указу великих государей для мангазейского отпуска на Тюмени кочей делать не велено, и посылки через море хлебных запасов и соли в нынешнем 177 году и вперед не будет».¹¹²

Историк Евгений Вершинин указывает ещё одну причину упразднения Мангазейского городка, которую совершенно пропустили другие исследователи. Он отмечает, что «не отмена казённых поставок хлеба через Обскую губу привела к окончательному упадку Старой Мангазеи, а наоборот: рискованные и дорогостоящие плавания кочей стали совершенно неоправданными вследствие угасания заполярного города».¹¹³

Но последний и сокрушительный удар по легендарным кочам нанёс Пётр I. Реформируя флот, он почему-то запретил строить эти надёжные, проверенные временем и суровыми водами рек и морей, суда. Чем они ему помешали, не совсем ясно. Но этот реформатор многое в стране хотел переиначить на европейский лад, даже невзирая на то, что опыт русских корабелов был ничуть не хуже заграничных коллег, а кочи доказали свои превосходные мореходные качества веками беспорочной службы. Опыт их строительства быстро забылся. Поэтому как выглядели кочи, сейчас можно узнать лишь по рисункам, да по описаниям современников. Кое-что уже в XX веке нашли археологи. Так что можно восстановить их облик, и даже достаточно достоверно.

Человек ещё раз удручённо покачал головой, сожалея, не столько о том, что такое уникальное судно безвозвратно кануло в лету и утеряны технологии его строительства. А о том, что от воли и желания одного человека как раз и может исчезнуть весь многовековой опыт

Сб. науч. статей. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001. – С. 107.

¹¹² Цит. по: Вершинин Е. В. Дощанник и коч. – С. 118.

¹¹³ Вершинин Е. В. Дощанник и коч. – С. 118.

предшественников. А потомкам остаётся лишь потом досадливо вопрошать – почему так произошло? И упрямо восстанавливать утраченные секреты.

К тому же история коча оказалась неразрывно связана с историей Мангазеи. Странные связи порой можно увидеть, если внимательно и непредвзято посмотреть на прошедшие события. Исчез с рек и морей коч, исчезла и Мангазея.

Или в её упразднении и поспешного переселения людей, тоже было несколько причины?

Здесь есть какая-то загадка, которая манит к себе, не даёт многим спокойно жить вот уже на протяжении нескольких веков. Наверное, поэтому исследователи вновь и вновь возвращаются к истории последних лет существования Мангазеи Златокипящей.

Одним из важнейших факторов ликвидации заполярного поселения, расположенного на берегу реки Таз, стала хищническая добыча пушного зверя. Пушная лихорадка привлекала сюда всё новых и новых охотников и купцов, надеющихся сколотить себе здесь капитал. Из таможенных документов видно, мангазейский пушной промысел продолжал играть большую роль в государственных доходах. Но, несмотря на безбрежные таёжные просторы, охотничьих мест на всех стало не хватать. Об этой причине, приведшей к упадку значения Мангазеи, пишет Пётр Буцинский:

«Еще в 1627 году мангазейские торговые и промышленные люди разных городов били челом государю, что в Мангазее соболи и бобры „опромышлялись“, и они начали ходить в верхние места Тунгуски, где соболи добры и всякого зверя много». ¹¹⁴ Таким образом, важной причиной он называет оскудение пушного промысла.

Здесь ещё надо отметить, что продвижение промышленных людей на восток шло полным ходом, открывались всё новые и новые места для промыслов в верхней части Нижней и Средней Тунгусок, хотя они находились слишком далеко от Мангазеи. И люди со временем стали селиться в Туруханске, или как его тогда называли – Новой Мангазее, который был построен практически одновременной с самой Мангазеей и долгое время являлся его городом-спутником, как бы сейчас сказали. Но по всяким надобностям им приходилось ездить в город, так как Мангазея семьдесят лет была административным центром края. Эти поездки были сопряжены с большими трудностями: длинная дорога, занимавшая около трёх недель, приводила к разрывам торговых связей между ними. Необходимо ещё учесть, что вокруг расстилались земли тунгусов, народа жестокого, смело нападавшего и убивавшего пришлых. И что немаловажно, путь из Новой Мангазеи в центр России был гораздо удобней и безопасней.

Слухи об этих трудностях достигали Руси, поэтому охотников ехать сюда находилось всё меньше и меньше. В архивах сохранилось несколько таможенных книг, за 1645 – 1653 годов, которые вели таможенные головы, из них ясно видно, что в мангазейских промыслах и торговле начался упадок, так как «участие промышленных, гулящих, посадских, оброчных людей, и стрельцов в промыслах и торгах уменьшилось». ¹¹⁵

Всё это привело к тому, что мангазейский таможенный голова Саблин в 1655 году с грустью отписал в Москву:

«А при мне, государь, холопе твоём, во всех трех городех в приходе в Мангазею на Таз с Руси и из Сибири морем торговых людей было только 4 человека». ¹¹⁶ За десять лет до этого, предшественники Саблина М. Шемякин и Д. Кубасов с тревогой писали в Москву, что в 1645 году вообще не пришло ни одного торгового коча, а торговые люди приходили на «государевых кочах».

¹¹⁴ Буцинский П. Н. К истории Мангазеи. Мангазея и Мангазейский уезд 1601 – 1645 гг. – С. 63.

¹¹⁵ Цит. по: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 86.

¹¹⁶ Вершинин Е. В. Дощанник и коч. – С. 109.

А ведь до этого через Мангазею иногда проходило более двух тысяч человек в год.¹¹⁷

Сразу становится понятна озабоченность воевод и таможенных голов, ведь драгоценных шкурок добывалось всё меньше и меньше.

Но тот же Саблин пытается объяснить такой неприятный поворот событий тем, что «Енисейский острог распространился и Лена объявилась».¹¹⁸ Говоря иными словами – фактическим центром уезда стало Туруханское зимовье на Енисее. Но, скорее всего это было уже следствие, чем причина.

Ко всем бедам в Мангазее случился очередной пожар, уничтоживший почти весь город. Он тоже внёс свою лепту, так как вокруг городка стало совсем мало строевого леса, его приходилось завозить из Туруханска, а это около восьмидесяти километров. И хотя город за несколько лет всем миром всё же отстроили, но ему уже было далеко до былой славы. А ещё мангазейцы жаловались на такую мелочь, как речной причал. Он был неудобно расположен, на обрывистый берег было трудно затаскивать грузы. А вот в Новой Мангазее такой проблемы не было, указывали воеводы, просящие перевести административный центр в Туруханск.

Была ещё одна причина, незаметная на первый взгляд. Она крылась во взаимоотношениях между пришлыми и аборигенами. Окрестные племена самоедов были очень недовольны тем, что на их исконных охотничьих и рыболовных промыслах появились русские люди. Они всё чаще стали переходить друг другу охотничьи тропы. Эти столкновения иногда заканчивались смертоубийством, потери несли обе стороны. Это обостряло и без того напряжённую обстановку, которая была чревата восстанием окрестных самодийских плёмен, разжигало антирусские настроения. Поэтому царская администрация видела только один выход из создавшегося сложного положения – оставить этот город и укрыться за крепкими стенами Новой Мангазеи, где бы можно было отсидеться до лучших времён.

Внесли свою лепту и жуликоватые купцы. Естественно сбор ясака и выкуп «аманатчиков» тоже не добавляли добросердечных отношений. Всё это привело к тому, что со временем инородцы практически перестали приходить в Мангазею для торговли.

В Кремле забеспокоились, что это приведёт к недобору ясака, а ведь это могло подорвать сами государственные устои. Поэтому был издан указ, запрещающий промышленным людям заниматься добычей пушнины в угодьях самоедов. В спорах между инородцами и пришлыми, местной администрации официально приходилось выступать на стороне коренных жителей. Но это мало помогало. На реках Таз и Нижней Тунгуске начали всё чаще вспыхивать восстания самодийских племён. В ответ из Тобольска отправлялись всё новые воинские отряды, в основном казачьи части, но даже они не могли успокоить недовольных аборигенов. А вот увеличение стрелецкого гарнизона привело к тому, что продовольствия стало катастрофически не хватать.

В литературе нередко можно встретить широко бытующее мнение, что простые русские люди: казаки, стрельцы и купцы во время своего продвижения по Сибири грабили и даже убивали инородцев. На самом деле всё было гораздо сложнее. Конечно, им приходилось защищаться от воинственных кочевников. Но некоторые писатели почему-то забывают, что далеко не все племена кочевников были воинственно настроены против русских и почему-то обрисовывают довольно-таки неприглядную картину. И далеко не все пришлые были бандитами с большой дороги.

На самом деле в истории сохранились и другие взаимоотношения. Один из мангазейских воевод писал в Москву, что «многие русские люди женятся на инородках и поселяются в инородческих юртах». Правда он тут же добавляет, что эти же русские убивают и грабят их. Но как правильно заметил историк Пётр Буцинский, «разве может один человек помыкать целым племенем»?

¹¹⁷ Буцинский П. Н. К истории Мангазеи. Мангазея и Мангазейский уезд 1601 – 1645 гг. – С. 70.

¹¹⁸ Вершинин Е. В. Дошанник и коч. – С. 109.

Скорее всего, воевода просто искал виновных в том, что сбор ясака стал падать и, оправдывая свою бездеятельность и неумение управлять, просил царя издать указ об изгнании этих поселенцев.

Была ещё одна проблема, которая появилась в Сибири во время освоения – это оспа. Сохранились отписки воевод, что инородцы вымирали целыми семьями. У коренного населения не было иммунитета против этой новой болезни, поэтому они гораздо хуже переносили болезнь, чем русские. Это тоже подливало масла в огонь многочисленных противоречий и проблем, возникших в Мангазейском крае.

Но всё же огромную роль в создании клубка проблем сыграло самодурство некоторых мангазейских воевод. Они назначались на два года, и за это время должны были сколотить капитал, так как потом несколько лет эти люди не имели права занимать государственные должности. Считалось, что этих денег, полученных на воеводской должности должно хватить не безбедную жизнь. Вот иные и рвали сколько можно и где могли. Ведь государство им никакого жалования не платило. Потому и стремились они наложить свою лапу на все мыслимые и немыслимые источники дохода, которые только были в Сибири, и до каких можно было дотянуться.

Если здесь учесть полную оторванность от центра, полнейшую безнаказанность, амбиции, то эти факторы просто не могли не привести к злоупотреблениям царских воевод. Играла свою негативную роль и давняя русская традиция кормления, говоря иными словами, занимая какую-то должность, человек сам обязан был зарабатывать себе на жизнь, так как государство зарплаты ему не платило. Коренных мер против этой практики правительство не предпринимало и наказание зарвавшихся воевод было редким исключением из правил. Обычно дело ограничивалось только проведением сыска и денежной пеней в пользу пострадавшего.

Сохранилась жалоба на князя Ухтомского. Отчаявшиеся люди писали в Москву, что:

«Шили они двадцать шуб из соболей, для провоза в Русь. А последняя шуба ценою с полторы тысячи рублей была для князя Петра Ухтомского. А князь посылает на службу в лучшие зимовья своих людей для своей безраздельной корысти, и они привозили ему хорошие соболя. А которые люди, государь, радели ясак для тебя, и тех он на службу туда не отпускал».¹¹⁹

Результатом этого скорбного послания царю стало то, что самих жалобщиков князь посадил в тюрьму.

Поэтому, хоть какого-нибудь контроля, царские власти назначали на места по два воеводы. Происшествие с Ухтомским весьма показательно, как безраздельная власть может сказаться на службе, дело в том, что посланный с ним дьяк Пётр Теряев по дороге из Москвы в Мангазею умер.¹²⁰

Иногда эта практика двоевластия приводила к серьёзным последствиям.

С 1629 по 1630 год¹²¹ в Мангазее служило два воеводы: Григорий Иванович Кокорев и Андрей Фёдорович Палицын. Старшим воеводой был назначен Кокорев, за эти два года он оставил неизгладимый след в истории всего Мангазейского уезда. Эти начальники, на которых было возложено государственное дело, поссорились между собой. Судя по всему их неприязнь началась ещё в дороге, если не раньше, в Москве. Видимо одной из причин стали амбиции, чей род древнее и лучше. Но как бы там ни было, уже в дороге они плыли на разных кочках. А в закрытом пространстве городка, где все на виду, развлечений практически никаких, вражда разгорелась со страшной силой. Дело дошло до того, что Палицын не выдержал и, опасаясь «смертного убийства» от Кокорева, вынужден был из укрепленной части городка переехать

¹¹⁹ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 89.

¹²⁰ Хронологический обзор.... – С. 137.

¹²¹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, Муниципально-методический центр Развивающее обучение, 1998. – С. 161.

на посад, Там люди построили ему новый двор. Кстати, это ещё больше сблизило младшего воеводу с мангазейским обществом, и в течение всего 1630 года он возбуждал людей против Кокорева, общаясь уже непосредственно с народом. Кстати, во время всей осады Палицын всё время действует только с согласия «мира», то есть местного общества.

В это время в мангазейском мире проявилась любопытная черта – всесословность. Например, 27 декабря 1630 года воевода Палицын рассказывал про «воровство» своего товарища по воеводству Григория Кокорева в Успенской трапезе священнику Василию, дьякону, дьячку и пономарю, а также служивым и торговым людям. Несмотря на всю немалую власть, Григорий Иванович всё же опасался горожан, и поэтому стал принимать экстренные меры. В первую очередь он привел к крестному целованию гарнизон и несколько оставшихся верными ему торговых и промышленных людей. Поставил город на военное положение, запер ворота, расставил караулы и сел в осаду «от мужичья воровства». Палицын даже утверждал, что Кокорев израсходовал семьсот рублей, чтобы создать себе партию единомышленников среди мирских людей в Турухане.

В итоге город разделился на два вооружённых лагеря. После вооруженной стычки, посадские люди осадили воеводский двор. Война велась с применением орудий. За время этих боевых действий, центральная часть города в районе гостиного двора превратилась в груды развалин. Сам гостиный двор и десятки амбаров, служивших пристанищем для приезжих торговых и промышленных людей, тоже были разрушены, сильно пострадало много жилых домов.

Среди всеобщего хаоса у обоих воевод наконец-то появилась здравая мысль – воспользоваться мирской организацией для временного управления Мангазейским уездом. Впрочем, сам Григорий Кокорев, ещё в самом начале раздора предлагал:

«А выбрали б с обеих сторон для государевых великих дел кого пригоже и велели б делать тем выборным людям всякие государевы дела... и посылки в ясачные волости для государева ясачного сбора и денежной и соболиной десятинной сбор и их промыслы не стали».

Он отлично понимал, что в Москве смогут понять все их раздоры, но за убыли в государеву казну не простят, и за несобранный ясак по голове не поглядят, скорее наоборот.

Бахрушин отмечает, что с того момента, как торговые и промышленные люди «миром стали за государское пресветлое имя» и укрепились «одиошною записью», в дальнейшем стали выступать «миром».¹²²

Даже «мирскую челобитную» на Григория Кокорева, которую отправили в Москву в июле 1630 года с Ерофеем Хабаровым-Святитским, писали «всем миром».

Главной особенностью «мангазейского мира» было то, что он объединял не территорию, не волость и не уезд с постоянным населением, а тех торговых и промышленных людей, которые в данный момент находились в Мангазее. Сохранилась их челобитная от 1636 года, в которой они так охарактеризовали свою общину:

«И мы, ... по приказу твоих, государевых, воевод, выбирали их своей братии заказчиков и сборных целовальников и между собой сбирали поживотное и поголовное и соболей сороковое, тысячи и по три и больши, а тех, государь, сборных денег расходилось в Мангазейском городе и на Турухани по тысячи и с прибылью на твой государев обиход: на лодки казакам, и аманатам, и сторожем наем, для, государь, твоего ясачного сбора с тунгусов и гуляшей, а достальные, государь, денги расходились по воевоцким дворам на их воевоцкую всякую издержку».¹²³

Надо особо отметить, что эта община была создана искусственно, по приказу государевых воевод. Таким образом, воеводы и здесь нашли свои выгоды, перекладывая расходы на содер-

¹²² Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община. – С. 321.

¹²³ Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, изд-во Наука, Сибирское отделение. 1986 г. – С. 302.

жание административного аппарата, не покрываемые из статей обычного государственного бюджета, затраты на сбор ясака и многое другое, на плечи мангазейской общины. Поэтому ими, сначала преследовались исключительно фискальные интересы.

Со временем было выработано три формы «мирского обложения»: 1) «поголовное», то есть поголовная подать с приезжих людей; 2) «посороковое» – каждый сороковой соболь, добытый на промыслах; 3) «порублевое» – взимался определённый процент стоимости привезённых русских товаров. Эти сборы устанавливались по взаимному соглашению мирских людей, но с санкции администрации – «по приказу» воевод.¹²⁴

Несмотря на то, что количество денежных поступлений напрямую зависело от времени года «неровно, смотря по приезду торговых и промышленных людей», суммы собирались большие, более двух – трёх тысяч рублей в год. Но практически весь доход уходил на три статьи расходов: 1) различные «государевы мангазейские расходы»; 2) расходы «на воевод»; 3) «земские издержки», именно эта ничтожная сумма тратилась на самообеспечение мирской общины.

В дальнейшем эти народные деньги сыграли для всей Мангазеи весьма негативную роль.

В Москве об этих местных сборах узнали совершенно случайно. В Сибирском приказе даже предположить не могли, что большие суммы денег утекают мимо казны. Присланные в Москву документы открыли факты злоупотребления воевод. Оказалось, например, что в 1629 году более четырнадцати процентов, а на следующий год уже более одной трети, собранных мангазейской общиной денег, ушло на нужды воевод. Поэтому в январе 1635 года последовал государев указ:

«Мангазейские и туруханские мирские лишние денежные сборы, и заказных и сборных целовальников отставить, и впредь таким целовальникам и денежным сборам не быть, а для своих государевых всяких мангазейских и туруханских дел на всякие расходы велел государь к мангазейским и туруханским доходам в прибавку иметь приезжих торговых и промышленных людей... по полуполтине с человека».¹²⁵

Далее в этом указе шло предписание записывать все сборы в таможенной избе, а все расходы вести таможенному голове, хотя и с ведома воевод и дьяка, «а воеводам и дьякам, и их детям и племянникам, и людям тех денег не давати и никакие воеводские дворовые расходы не держати».¹²⁶

В Мангазею указ о запрещении сборов привезли назначенные воеводы Борис Иванович Пушкин и дьяк Павел Спиридонов.¹²⁷ Они и сказали «государево жалованье», что «... не велено нам, твоим последним государевым достальным людишкам, заказных целовальников и сборщиков выбирать и никаких разрубов не разрубати...».¹²⁸

Несмотря на то, что воеводы пытались мирскую кассу вести в съезжей избе, в Москве решили по-своему. Таким образом, в Мангазее появилась третья реальная власть – таможенный голова. И правительство, и общество стало на них смотреть как на защитников торговых людей.

Также в Москве сильно не понравилось, что мирское самоуправление играло слишком большую роль во время распри воевод, и естественно, там могло показаться, что эта народная власть ведёт себя слишком независимо. Или может стать таковой, если не принять срочных мер.

Со временем, мирская община приобрела особое значение для людей, собравшихся на далёких берегах Тазовской губы, оторванных на долгие годы от дома. Её значимость трудно

¹²⁴ Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – С. 310.

¹²⁵ Цит. по: Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община... – С. 326 – 327.

¹²⁶ Цит. по: Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община... – С. 326 – 328.

¹²⁷ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – С. 162.

¹²⁸ Цит. по: Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община... – С. 328.

переоценить, и сложно сравнивать с такими же «мирами» в исконно русских городах, хотя общие черты и сохранились. Кстати, в Сибири, такая же мирская община образовалась только в Енисейске, где также скапливалось большое число русских, и вполне вероятно была занесена из Мангазеи. Особенность мангазейской общины была ещё и в том, что параллельно их действовало две: в самой Мангазее и в Туруханском зимовье, возникшем недалеко от острога. Во главе мангазейской общины стоял заказной целовальник, или заказчик. Эта должность была выборной на год, выражаясь словами воеводы Г. Орлова «по мирским выборам выбирали меж себя погодно».¹²⁹

Таким образом, и в этом случае Мангазее стала сильно отличаться от сибирских городов, здесь установилась своеобразная форма правления, эдакая вторая ветвь власти, при которой практически всё управление и руководство текущими делами отошли к мировой общине, а общее руководство взял на себя таможенный голова. Этому способствовало ещё и то, что для этого городка начальники таможен назначались в Тобольске, обычно по два купца, причём с таким расчётом, чтобы один обслуживал саму Мангазею, а другой Туруханское зимовье. При этом внимательно следили, чтоб каждый раз таможенники присылались из других городов. Благодаря этому они практически не зависели от самодурства воевод, и могли хоть как-то контролировать аппетиты местного начальства.

Как и все выборные мирские должности, эта была тяжёлая повинность, от которой простые люди старались уклониться, не жалея расходов. В конце концов, они приезжали сюда, чтобы заработать, а не выполнять общественные поручения. Но местная администрация была кровно заинтересована в том, чтобы мирская власть существовала и соответствовала поставленным ей задачам. Поэтому нередко воеводы вмешивались в выборы, и тем самым сводили на нет сам принцип выборного начала, заменяя его простым назначением. Сохранились свидетельства подобного добровольно-принудительного назначения.

Казанец Спирька Афанасьев жаловался:

«Как де он, Спирька, приехал в Мангазею, и Гр. Кокорев велел его, приметьваючись к нему, для своей бездельной корысти, выбирать в заказные целовальники, и де он, не хотя промыслу своего избыть, дал ему 50 руб., от того, чтоб его в заказные целовальники выбирать не велел, а взял де у него те деньги Гр. Кокорев сам».¹³⁰

Вообще-то, надо особо сказать, что у мангазейского народа к печально знаменитому старшему воеводе Григорию Кокореву накопилось немало претензий. Его склока с младшим воеводой Палицыным, может быть, мало бы кого заинтересовала, ведь людям надо было работать, зарабатывать деньги, чтобы вернуться домой хоть с каким-то капиталом, поэтому интриги государевых ставленников их практически не касались. Но Кокорев использовал свою власть на полную катушку. Например, он спокойно мог неугодного, или в чём не пострафившего ему целовальника, сменить и «велеть выбрать» на его место другого. Ещё осенью злополучного 1630 года, он вызвал к себе вновь избранного «заказчика» Бажена Максимова: «бил и увечил и из целовальников его отставил, а в его место велел поставить в заказных целовальниках Карпа Степанова Вологжанина, и в те поры он с иных торговых и промышленных людей имал посуды великие, чтобы в заказные целовальники не поставили».¹³¹

Таким образом, в большинстве своём выборы были фикцией, лишь слегка прикрывавшей простое назначение. То же самое могло произойти и с «денежными сборщиками», которых выбирали в помощь целовальнику. А так как они собирали большие суммы, то воевода, конечно, хотел видеть на этом месте своего человека. Например, всё тот же воевода Кокорев Савку Заборца «из целовальников выкинул» за то, что он «выискал у его советников (торговых

¹²⁹ Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – С. 303.

¹³⁰ Цит. по: Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – С. 304.

¹³¹ Цит. по: Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. – С. 303.

людей, принадлежавших к его партии) многие утаенные товары». «Вор де ты и негоден де быть у государева дела», – кричал воевода.¹³²

Надо особо отметить, что в Мангазее заказной целовальник только юридически был председателем мирских сборщиков денег. Особые условия жизни в городке выдвигали таких людей в первые ряды активных жителей. Поэтому, фактически он был главою «мира», представителем его нужд, выразителем желаний. Вокруг него объединялись торговые и промышленные люди. Но в то же время он был подчинён «миру», и нёс всю ответственность за свои действия перед ним. Ему приходилось вести всю отчётность за сборы, причём приходно-расходные книги проверялись особой выборной комиссией – счётными целовальниками, или счётчиками. Сам же «счёт» производился под непосредственным наблюдением воевод, которые вполне могли вмешаться в эту процедуру. Кстати, и на этот произвол жаловалась ревизионная комиссия, «считавшая» заказного целовальника Андрея Левонтьева Палмина в том же приснопамятном 1630 году:

«А воевода, Кокорев у нас, у счетчиков, книги сильно отнял и отписи и всякие книги приходные и расходные мирския». Левонтьеву пришлось рассказать, что его заставили совершить ряд подлогов «по велению» того же Кокорева.

Так что для русских людей нелёгкие времена были всё время. Многие воеводы грабили их нещадно, пользуясь своей полной безнаказанностью и зависимым положением народа. От домогательств местной администрации были освобождены только представители крупных купцов и посланцы царствующего дома. В Москву, конечно, пытались жаловаться на воеводский беспредел, но это мало помогало. Назначаемые на два года руководить Мангазеей, воеводы должны были всеми правдами и неправдами сколотить капитал.

Доставалось и местным аборигенам. Сохранилось письмо местного князца Ледерейко:

«Нас сирот твоих грабят и обидит всякою обидою. Берёт с нас насильством и грозя всякою грозою со всей самояди за пять лет – соболя и бобры. И нам сиротам твоим ни топора ни ножа ни котла купить и промышлять твоего государева ясака стало нечем. А иная, государь ясашная самоядь от насильства и грабежу стали наги и босы и вконец погибнем. А иная самоядь от насильства и грабежу разбежалась».¹³³

Обращает внимание на себя то, как хитро князёк обратил внимание на своё бедственное положение, чётко указывая царю, что в случае чего его казна может не получить вождеденный ясак.

К сожалению, так и не ясно, кто писал все эти слёзные челобитные царю, ведь инородцы русской грамоты в то время не знали.

Ночной Директор продолжая размышлять о причинах внезапного упразднения Мангазеи, вспомнил как его научный руководитель Анатолий Тимофеевич Шашков как-то заметил, что подобным письмам верить нельзя. На Руси в то время, да и гораздо позже, это был своеобразный эпистолярный жанр. Шашков говорил, что мол, читаешь подобные слёзные челобитные и аж жуть берёт, и как человек может выживать в таких тяжёлых условиях, а читаешь иные документы и выясняется, что всё у него хорошо, и живность в стойле есть, и сам здоров. Но по-другому выжить было не просто, ведь царский, а особенно чиновничий гнёт не знал жалости. Вот и исхитрялись мужички, писали слезливые челобитные воеводам, князьям да царям.

Человек поёжился, становилось зябко, и чтоб разогнать морозную тишину произнёс:

– Но всё равно за этими жалобами что-то да стояло. Ведь проблемы не могли возникнуть на пустом месте, как говорится, дыма без огня не бывает. А русский человек долготер-

¹³² Цит. по: Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. – С. 304.

¹³³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазее. Мангазейский морской ход. – С. 89.

пелив, и значит, уже припекало, если отваживались писать подобные письма. Тем более знали, что его проблему, скорее всего, будет решать тот же самый человек, на которого он пишет донос. Ничего не изменилось в этой стране, вот что печально. – Внезапно констатировал Ночной Директор и поплотнее запахнул меховую безрукавку.

Мангазейские воеводы боялись докладывать в Москву об истинных причинах, приведших городок в бедственное положение. Они оправдывались тем, что сложно завозить провиант, почти исчез соболь и другой ценный зверь. К тому же отношения между тазовскими племенами и мангазейцами накалились до предела, возникла реальная угроза вооружённого восстания аборигенов. Они видели только один выход из создавшегося положения, оставить городок и укрыться за крепкими стенами Новой Мангазеи.

Об этом свидетельствуют и сами мангазейские воеводы:

«В прошлом 180-м году, (1672 году), ... велено город Мангазею поставить вновь на Турухане и прежнего города Мангазеи жилецких людей в тот новый город перевести... А во 1669 – 1672 году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самоеди выехали и город остался пуст».¹³⁴

Так что мангазейские воеводы приняли давно вынашиваемое решение о переводе стрелецкого гарнизона в Туруханское зимовье и постройки там Новой Мангазеи.

Впрочем, ещё в 1671 году указом царя Алексея Михайловича, городок Мангазея был упразднён. Этим же указом было велено построить «Новую Мангазею на р. Турухане, вследствие чего Туруханское зимовье было укреплено и туда переселился воевода Наумов со всем управлением».¹³⁵

Через несколько лет после того, как мангазейцы окончательно перебрались в Туруханск, некоторые инородческие племена поняли, какие выгоды они потеряли, их князцы заявили, что они хотят возвращения русских в Мангазею. Они даже пообещали воеводам:

«Великого государя мангазейским жителям и приезжим всяким людям никакой тяготы не будет, что ясачная самоедь будет надежна».

Ещё они добавили, понимая насколько важен для русских сбор ясака:

«А ясачногобору будет большая прибыль, и та прибыль будет прочна и состоятельна».¹³⁶

Воеводам ничего не оставалось делать, как поверить в эти многообещающие речи и рискнуть отправить стрельцов в покинутую Мангазею. Увы, не получилось самоедам быть «надёжными». На стрельцов вероломно напали, а их жён и детей, захваченных в зимовье, утопили в проруби. После такого жестокого вероломства о возвращении даже не могло идти и речи.

Впрочем, историки уже в XX веке обратили внимание на ещё одно немаловажное обстоятельство, в результате которого Мангазея стала нерентабельна. В России стали складываться другие экономические отношения. Рынок перепрофилировался с товарно-натурального обмена на денежное обращение. И вследствие этого, «мягкая рухлядь», которая долгое время выполняла роль своеобразной национальной русской валюты, утратила своё значение и таким образом «златокипящая государева вотчина» стала никому не нужна.

Вот весь этот комплекс многочисленных причин в итоге привёл к тому, что в 1672 году администрация всё-таки перебралась из Мангазеи в Туруханск, а сам город через несколько лет полностью прекратил своё существование.

Кстати, ликвидация поселения на берегу реки Таз, открытие новых дорог и городов, привели к непредсказуемому результату – потребность в строительстве кочей в Западной Сибири отпала. А со временем у местных русских старожиллов почти стёрлись воспоминания о «Злато-

¹³⁴ Цит. по: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 31—32.

¹³⁵ Хронологический обзор... – С. 141—142.

¹³⁶ Цит. по: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – С. 90.

кипящей Мангазее», а слово «коч», – как символ её расцвета, по образному выражению учёного Е. В. Вершинина, вышло из широкого употребления.¹³⁷

Но нельзя забывать, что именно за эти семьдесят лет существования Мангазейского городка, во многом проходила апробация новых административно-хозяйственных отношений между государством, инородцами, служивыми людьми и купцами.

Судовольствием вдыхая полной грудью свежий морозный воздух, Ночной Директор вдруг вспомнил одну крылатую фразу: «Мавр сделал своё дело! Мавр может уходить!».

Может, она прозвучала и некстати, но ведь действительно, Мангазея сыграла свою роль до конца. И исчерпав все свои ресурсы, исчезла в глубинах истории, оставив только пышный и красивый след из легенд и мифов. К тому же она была не только центром пушной лихорадки, разгоревшейся в начале семнадцатого века. Но и важным форпостом Руси. Отсюда уходили землепроходцы всё дальше на восток, в неизведанную тайгу, знакомясь с новыми народами, о которых ходили жутковатые слухи, и приводя их под высокую государеву руку.

Действительно город-загадка, город-легенда. А сколько ещё тайн хранит в себе земля, куда со временем ушли все постройки. Ведь археологи каждый год там находят что-то новое и удивительное. И конца краю этому нет.

Человек резким щелчком выбросил окурок. Он красной дугой прочертил ночную чернь и исчез в урне.

Тяжело хлопнула музейная дверь, вновь отрезая реальность ночного города от невидимой никому жизни музея.

VII глава

¹³⁷ Вершинин Е. В. Дощанник и коч. – С. 107.

Сибирская таможня и стёжки-дорожки Сибири

Ночной Директор закрыл входную дверь и остановился. Как обычно, когда заходишь в тёплое помещение с холода, запотевают очки. Когда-то, в детстве, это раздражало, а теперь, по прошествии многих лет он уже притерпелся к этой особенности оптики.

По привычке, беззлобно и тихо ругаясь, протирая чистой тряпочкой помутневшие стёкла, он, близоруко прищурившись, вслушивался. Как всегда, в его отсутствие в музее активизировались различные звуки. Это скучавшие весь день вещи, населяющие музей, воспользовавшись редким случаем, начали своё общение с соседями. Всё-таки они так до конца и не привыкли к нему. Он, как обычно, сделал вид, что ничего не слышит и не торопясь, повесил меховую безрукавку на вешалку.

В общем, всё привычно. И ничего нового

Закрывая замок входной двери, он вдруг подумал, что двери любого дома самое слабое звено. Ну, ещё окна. Но всё же злоумышленники проникают гораздо чаще именно через двери. Почему-то сразу подумалось о государственных границах. Вот так всегда, вроде граница на надёжном замке, а вот дырочку в ней, при желании завсегда найти можно.

Человек снова поднялся на второй этаж и зашёл в зал, посвящённый жизни старого Обдорска. Ещё раз остановился около витрины, походя немного удивившись, что сегодня эта витрина прямо-таки его притягивает, и посмотрел на хорошо знакомые экспонаты, повествующие о том, как русские осваивали Сибирь.

В 1653 году Великий Государь Алексей Михайлович подписал Указ о «О взимании торговой пошлины с товаров в Москве и городах с показанием по сколько взято и с каких товаров». Дело в том, что на Руси с древних пор таможенные заставы стояли не только на границах государства, но и в каждом городе и местечке, выполняя много функций. Государственная пошлина на провоз товара, на который накладывалось специальное клеймо «тамга» – на тюркском языке это означало знак собственности, существовала ещё с XIII века. Таким образом, государство контролировало движение товаров через свои границы, тем самым исправно пополняя свою казну.

Тут ещё надо учесть, что вплоть до XVIII столетия европейские государства рассматривали Россию просто, как свою сырьевую базу, считая её как бы своей очередной, отдалённой колонией, из которой по дешёвке можно было вывозить многочисленные богатства, то есть сырьё. Вот на этом грабительском торге ушлые иноземные негоцианты, при известном везении, могли быстренько сколотить немалые состояния. К тому же внешние и внутренние торговые связи в самой Руси были развиты очень слабо. Так что возможностей для «немцев» было предостаточно. Лишь начиная с воцарения Петра I и проводимых им реформ, внутренняя и внешняя торговля стали меняться в лучшую сторону.

До этих петровских реформ управление таможнями распределялось между различными приказами в Москве, в том числе и Сибирским. Это весьма усложняло торговлю, принося дополнительные расходы купцам и внося путаницу в дела. Чтобы привести эти дела в порядок, со временем был образован приказ Большой казны, куда и поступали все таможенные сборы и другие доходы.

Разглядывая, сквозь стекло витрины карты, человек вдруг подумал, что Сибирь большая, а вот дорог в ней мало. И чем дальше на Север, тем сложнее и опаснее становился путь для рискнувшего добраться сквозь непроходимые дебри тайги, болота и тундру, по рекам и речушкам да озёрам, до низовьев Оби, куда в XVII веке были устремлены горящие взгляды

многих, желающих нажиться на торговле с инородцами. Но, пожалуй, одной из самых трудных, в те времена, была дорога в возделенную Мангазею.

Самая первая таможня в Сибири была поставлена в Верхотурье, так как долгое время этот городок был воротами в новые, только осваиваемые земли, и других обходных путей пока не было найдено. Но когда было проведено о «потаённых проходах торгашьих», то в Москве решительно запретили этот переход через Уральские горы. Все купцы обязаны были идти не иначе, как через ворота Верхотурской таможни.¹³⁸

Позже таможенный пост был организован в Берёзово. В 1607 году этому городу была «дана канцелярская печать для наложения слепков на товары, пошлиною очищенные».¹³⁹ Таким образом, он стал не только военным и административным северным форпостом метрополии, ведь одной из важнейших задач берёзовских воевод стал надзор за начинающей набирать обороты сибирской торговлей, собирать таможенные пошлины, контролировать проезжающих торговых людей, и многое другое.

Казалось бы, проблема была разрешена. Но начинающаяся в Сибири, и особенно в Мангазее, «пушная лихорадка» внесла свои существенные и весьма неожиданные для российской короны коррективы. Местные племена охотно покупали железные изделия, оружие, вино и многое другое, нужное в хозяйстве. Но государство запрещало частникам торговать этими «заповедными» товарами, считая их своей монополией. Но если есть спрос, то будет и предложение, таков уж суровый и непреходящий закон любого рынка. Тем более если государственная торговля этими товарами была весьма скудна. Поэтому в Сибири все пытались вести свой бизнес, и по возможности приторговывали всем, чем можно и чем нельзя. В конце концов ситуация начала выходить из-под контроля местной воеводской власти, не говоря уже о многочисленных приказах Кремля, на которые все, в общем-то, наплевали. К тому же в эту контрабандную сферу оказались вовлечены практически все, начиная от последних крестьян-переселенцев и купцов и заканчивая лицами духовного сана и воеводами.

Особенно интерес к сибирским дорогам проснулся в кремлёвских палатах, после основания Мангазеи. Этот городок надолго стал центром внимания не только московских царей, русских купцов, но и иностранцев.

В эту «царёву вотчину» можно было попасть тремя дорогами.

Морской путь шёл через «Большую океанскую пучину», то есть вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Он был опасен и сложен, хотя при благоприятных погодных условиях и ледовой обстановке из Поморья на берега реки Таз можно было пройти за одну навигацию, то есть за три – четыре месяца. Дело в том, что даже летом там можно было попасть в ледяную ловушку, или встречные ветра не давали спокойно ходить отважным мореходам. А попутных ветров приходилось ждать по несколько недель, ведь климат тогда был намного суровей, чем в начале XXI века. Лишь немногие смельчаки пускались в этот путь, вокруг Ямала, по морю, чтобы попасть в устье Оби.

Сохранился акт за 1618 год, где описывались все сложности этого пути:

«А в прежние де годы, ходил Москвитин Лука гость с товарищи проведывати Обского устья тремя кочи, и те де люди с великие нужи примерли, а осталось тех людей всего четыре человека; и то де они слыхали, что от Мутной реки и до Обскаго устья и к Енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужи».¹⁴⁰

Но был и другой путь. Ещё в 1601 году воеводы описывали царю путь торговых и промышленных людей, которые плыли с Двины, Мезени и Печоры в Обь и Тазовскую губу:

¹³⁸ Хронологический обзор... – С. 134.

¹³⁹ Цит. по: Хронологический обзор... – С. 129—130.

¹⁴⁰ Цит. по: Житков Б. Журнал «Естествознание и География». №5, 1903 г., М.: Университетская типография.

На кочах они проходили через пролив Югорский шар, «шли поперек Карского моря» к западным берегам Ямала. И уже потом, через систему двух рек: Мутная и Зелёная, пересекающих полуостров поперёк, и «перетаскивали кочи через короткий волок» между ними, выходили в Обскую губу.¹⁴¹ А там уже и до Тазовской губы, где находилась Мангазея, было рукой подать. Но и путь через ямальский волок назвать лёгким, тоже было трудно. Хотя при удачном стечении обстоятельств можно было добраться за те же три – четыре летних месяца.

Не один раз ранняя полярная зима застигала купцов и промышленников на этой дороге, и тогда им приходилось бросать свои кочи, «метать животишка и запасы на пусте», то есть на месте непредвиденной остановки выгружаться, оставлять лишнее и на лыжах пытаться выйти к Обдорску. А если улыбнётся фортуна, то могли встретиться оленеводы, которые помогли бы добраться до жилых мест. И уж очень крупно повезёт, если брошенные товары останутся не разграбленными до весны.

Эту тяжёлую дорогу в 1623 году подробно описал пинежанин Леонтий Шубин Плехан, находившийся в составе экспедиции из сорока человек. Летом 1601 года этот торговый караван на четырёх кочах вышел из Холмогор. Его путь лежал в Мангазею.

Даже спустя двадцать лет, Шубин хорошо помнил, с какими трудностями пришлось столкнуться путникам.

В первое лето им не удалось дойти до Ямала – «потому что были ветры встречные и льды великие». Навигация заканчивалась, осень вступала в свои права, начинались шторма и заморозки, поэтому промышленникам пришлось войти в реку Печора и зимовать в Пустозёрске. На следующий год, как только прошёл ледоход, кочи вновь отправились в путь. В этот раз упрямая команда достигла побережья Ямала, и они вошли в реку Мутная. Речка эта была настолько мелкой, что гружёные кочи не смогли идти по ней дальше, а ведь их осадка не превышала одного метра. Пришлось им дожидаться с моря «прибыльной воды», то есть прилива, а затем двадцать дней тянуть свои суда бечевой до волока. Но речка снова быстро мелела, и когда они с большим трудом всё-таки добрались до системы озёр Ней-То, где находился волок, то пришлось перегружать грузы на лодки или нести на себе. Через сухой волок, длинной в две-три версты, кочи перетаскивали с помощью воротов – «для того, что людей было мало». Из озера Зелёное вниз по речке они шли ещё десять дней, так как речка была «меньше Мутные реки да и мельче», так что иногда приходилось разгружать лодки, чтоб перебраться через песчаные мели. В Обской губе кочи наконец-то развернули паруса и при попутном ветре дошли до устья Таза за три дня. Этот же северный попутный ветер позволил судам промышленников подняться по реке Таз до только что возникшего города Мангазея за двое суток. Весь же путь от Пустозёрска до Мангазеи, золотого дна для купцов и охотников, занял три месяца. Не считая первой попытки.

¹⁴¹ Хронологический обзор... – С. 127—128.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.